

НИКОЛАС ОБРЕГОН

ГОЛУБЫЕ ОГНИ ЙОКОГАМЫ

Поэтичное, гипнотизирующее и пугающее чтение.

Рагнар Йонассон, автор серии «Темная Исландия»

Николас Обрегон

Голубые огни Йокогамы

Издательство «Синдбад»

2017

Обрегон Н.

Голубые огни Йокогамы / Н. Обрегон — Издательство
«Синдбад», 2017

ISBN 978-5-00131-095-2

В тихом районе Токио среди бела дня убита в собственном доме семья из четырех человек. Убийца скрылся с места преступления, оставив за собой странный запах, чем-то похожий на запах ладана, и нарисованное сажей на потолке жуткое черное солнце. Детектив, начинавший расследование, бросился в реку с Радужного моста. Инспектор Косуке Ивата и его немного странная напарница Норико Сакаи понимают, что им противостоит хладнокровный и расчетливый убийца. У них есть все основания предполагать, что он не намерен останавливаться и список жертв вскоре пополнится. Ближайшие события покажут, что интуиция их не обманула...

ISBN 978-5-00131-095-2

© Обрегон Н., 2017

© Издательство «Синдбад», 2017

Содержание

1996	6
ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	30
Глава 5	36
Глава 6	43
Глава 7	47
Глава 8	53
Глава 9	56
Глава 10	63
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Николас Обрегон

Голубые огни Йокогамы

Nicolás Obregón

BLUE LIGHT YOKOHAMA

Copyright © 2017 by Nicolás Obregón

© Издание на русском языке, перевод на русский язык, оформление. Издательство «Синдбад», 2018.

***

Моей маме Леле. От улицы до неба

У подножья маяка господствует мрак.
Пословица

1996

Вагончик фуникулера пополз вверх, унося с собой в знойный вечерний сумрак последнюю группу туристов. Он поднимался все выше и выше над заливом, постепенно открывая для обозрения береговую линию. К востоку по побережью Хидео Акаси различил похожие на микросхемы темные очертания портовых погрузочных терминалов, – отсюда грузовики доставляли в город рыбу и известь.

Акаси обернулся к жене. Та сидела с закрытыми глазами и плотно сжав губы. Он нежно взял ее за руку.

– Я боюсь высоты, – шепнула она.

– Знаю, Юми. Скоро будем на месте.

Рядом с ними немолодые туристы кудахтали над видом открывшейся местности, а молодые позировали перед фотоаппаратами. Служащий канатной дороги, сопровождающий пассажиров, бойко сыпал справочными данными о высоте подвесной дороги и городе, что раскинулся под ними. Акаси чмокнул жену в веснушчатое плечо и тут заметил женщину в замызанной, не по сезону теплой одежде, молча сидевшую в одиночестве в дальнем конце кабины. Смотрела она прямо в пол; ее явно не интересовало, что там, за окном. Возле нее стояла малышка, по всей видимости ее дочь, но женщина отнюдь не походила на заботливую мамашу. Апатия, написанная на ее изможденном лице, вызывала тревогу. Акаси не мог не заметить, что за ее юной внешностью скрывается что-то, терзающее душу.

– Хидео! – воскликнула Юми, отдергивая руку. – Мне больно.

– Прости, милая!

Акаси с трудом отвел взгляд от молодой женщины и достал фотоаппарат. Он отступил на шаг, чтобы снять Юми, которая улыбалась, щурясь в лучах заходящего солнца.

Щелк.

Он хотел сделать еще снимок, но ему помешали. Что-то происходило в дальнем конце кабины, явно что-то неладное. Служащий фуникулера воздел руки в белых перчатках в умоляющем жесте:

– Госпожа, прошу вас, отойдите от двери!

Он обращался к укутанной в теплое женщине.

Вжик.

Раздался резкий звук, и в ту самую секунду нож блеснул в ее залитой по локоть кровью руке. У ее ног корчился, вереща, как грудной младенец, сопровождающий. Дрожа всем телом, женщина направила нож в сторону людей, остановив взгляд на Акаси:

– Не подходите ко мне!

Толпа, скованная животным страхом, сбилась в кучку в дальнем конце кабины. Женщина вытерла окровавленную руку о полу пальто, оставив на нем алый отпечаток ладони. Затем рукояткой ножа она разбила стеклянную панель механизма экстренной остановки и вдавила кнопку. Раздался скрипучий визг тросов, кабину затрясло, пока наконец она не остановилась. Солнце почти скрылось из виду, унося с собой и этот день. Система автоматического оповещения выдала сообщение:

Дамы и господа! В ходе движения возникли небольшие технические проблемы. Служба ремонта уже приступила к работе. Просим вас сохранять спокойствие – вы находитесь в полной безопасности.

По кабине разнесся тревожный шепот. Работник фуникулера с побелевшим лицом неподвижно лежал на полу. Женщина перешагнула через него и встала перед дверцей. Закрыв глаза,

она ухватила за рычаг и сделала глубокий вдох. В тот момент Юми потянулась было к Акаси, но он, подчиняясь профессиональному инстинкту, уже проталкивался сквозь толпу.

– Полиция! *Дорогу!*

Женщина дернула рычаг, дверь распахнулась, и в кабину ворвался поток оглушительного ветра. Акаси пошатывающейся походкой продолжал двигаться вперед – рот полон слюны, в голове ни одной мысли. Женщина уже скинула ботинки и пальто и что-то сказала – но Акаси не расслышал из-за воя ветра. Он оттолкнул девочку, стоящую на пути, в сторону и протянул руку...

Женщина прыгнула.

Мгновение стояла тишина.

Мертвая тишина.

Акаси ринулся вперед и ухватил ее за запястье. Непреодолимая сила придавила его к полу кабины, и боль, прежде чем он успел осознать ее, охватила все его тело. За окровавленное запястье он держал женщину над бездной. Ветер развеивал ее волосы, а внизу огромной пастью зияла пустота – мрачная бесконечность.

Она подняла к нему голову, моргнула, затем открыла рот, из которого, словно последние капли из сосуда, выпали странные слова:

– Там облака, как слоны...

Акаси напрягся, но мышцы не слушались его. К горлу подступил горький ком. Рука вот-вот оторвется. И тут он увидел татуировку на ее запястье. Отчетливый рисунок: большое черное солнце. Оно будто смотрело на него. И Хидео Акаси отпустил руку.

ПЯТНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Глава 1 Коробки

Ивата проснулся. Ему снова снилось, как он падает. Весь в поту, прерывисто дыша, он подошел к окну. Внизу, насколько хватало глаз, простирался Токио – город тысячи городов, бесчисленных вселенных. Тридцать пять миллионов душ днем и ночью поддерживали жизнедеятельность этого организма из проводов и бетона. Гигантский муравейник, пронизанный мириадами ходов, – на самом деле хрупкий организм, в груди которого трепещет сердце крохотной пташки.

Городские огни, как прекрасны они.

Ивата пошел на маленькую, под стать своей квартире, кухню налить стакан воды. Его взгляд упал на большие картонные коробки в углу, но не задержался на них. Завернувшись в одеяло, он сел на пол у стереосистемы и надел наушники. Он закрыл глаза, как только первые звуки Экспромта соль-бемоль мажор Шуберта начали вытеснять тревогу, растворяя в музыке ночной кошмар.

Когда Ивата решил, что пора собираться, сквозь шторы в комнату уже пробивался серый рассвет. Он выпил кофе в тишине, долго мылся в душе, затем надел джинсы и теплый кашемировый пуловер серого цвета. Прихватив газету из ящика, он спустился в лифте на парковку. Под дворником его «исудзу»-купе торчала записка с предложением о продаже машины. По кожаной обивке шли трещины, и вообще это была выдавшая виды тачка, но такие записки Ивата обнаруживал чуть не каждую неделю. Может, кто-то из соседей развлекается?

Он завел мотор, но радио включать не стал, наслаждаясь непривычным безмолвием утренних токийских улиц. У южного входа железнодорожной станции Сибуя первые уличные торговцы, кучкуясь, словно заговорщики, предлагали друг другу жареные орешки и термосы с чаем. Ломбарды и лавочки, торгующие мобильными телефонами, поднимали жалюзи. На огромном экране под крышей супермаркета передавали новости. «Известная актриса, Мина Фонг, найдена мертвой в собственном доме. Богатая наследница рассталась с подающим надежды питчером «Йомиури Джайнтс». Закрывается популярное кулинарное телешоу. В хит-параде синглов появился новый лидер». Выпуск завершился рекламным слоганом страховой компании:

ВОТ ОНА – ИСТИННАЯ ЯПОНИЯ

Ивата свернул с магистрали и припарковался на открытой стоянке позади торгового центра. Сунув руки в карманы, он по тенистой улочке направился к входу. Весна в этом году, казалось, не просто запаздывает, а решила вовсе не показывать носу.

В магазине он около часа потратил на покупку канцелярских товаров – маркеров, блокнотов и пластиковых разделителей для папок, после чего зашел в кафе, где заказал кофе с сиропом и фруктовый салат. Здесь не было wi-fi, но вид отсюда открывался неплохой. За соседними столиками сидели уставшие после ночной смены рабочие, а он потягивал свой кофе и глазел на магистраль внизу. Станцию уже наводнили жители пригородов и заспанные студенты. Регулировщики лихорадочно размахивали руками, управляя потоком машин, а пешеходы нетерпеливо пережидали красный свет.

Ивата раскрыл газету на странице объявлений. Оставив без внимания предложение услуг массажа, ужина в компании с женщиной средних лет и уроков французского и дойдя до раздела

«Складские услуги», он углубился в чтение. Наконец он обвел одно из объявлений, сложил газету, сунул ее под мышку и покинул кафе.

Туман бесследно рассеялся, над головой сияла небесная лазурь. Ивата вернулся в машину и набрал номер из объявления. Ему ответил хрипловатый голос.

– Мацумото слушает. – Из трубки послышался кашель и следом щелчок зажигалки. – Ваше барахло – моя забота.

Ивата подтвердил свою заинтересованность в сделке, мужчина назвал адрес, и они договорились встретиться через час.

Ивата поехал на север через Харадзюку¹ и оставил машину возле станции метро. Он шел по улице Такэсита, увешанной майками поддельных брендов, «Хелло Китти» и дешевыми сувенирами. Туристы глазели на разряженных трансвеститов и верещали от восторга. Стены между палатками пестрели плакатами музыкальных групп-однодневок. Из динамиков неслась незапечатанная попса, школьницы-прогульщицы отчаянно торговались за безделушки. Ивата терпеть не мог этот район, но в здешнем нудл-баре подавали на завтрак отличный тамагояки². Обычно заведение почти пустовало, но сегодня по неясной причине оно было набито офисными работниками, и все курили. Ивата чертыхнулся и вернулся к машине.

Он поехал на юго-восток, миновал великолепный трехполосный проспект Омотэсандо, где, по обыкновению, паслись состоятельные домохозяйки, падкие на дизайнерскую итальянскую одежду, затем свернул на Аояма-дори и еще через пятнадцать минут – на Мегуро-дори. Найдя между двумя домами свободное место, он вышел из машины и глянул на небо – похоже, вечером будет дождь.

Через окошко в стене ему выдали картонную тарелку с овощами и креветками в тесте. Старый повар ругал вчерашнюю игру, Ивата молча ел и кивал. Уходя, он пообещал, что непременно придет еще.

В конце улицы у облезлого магазинчика с пожелтевшими газетами вместо стекол стоял невысокий, с волосами, собранными в хвост, толстяк. Он курил и беспокойно оглядывал прохожих. Увидев Ивату, он сунул сигарету в зубы и протянул ему руку.

– Вы ко мне, надо полагать? – Сигарета дергалась в такт его словам.

Ивата кивнул и пожал руку мужчине.

– Тогда идемте, я вам всё покажу.

Мацумото перешагнул через кипу рекламных проспектов и вошел внутрь лавочки. Ивата очутился в узкой комнате, но ее полумрак подействовал на него успокаивающе. По стенам шли ряды камер хранения самых разных размеров, в торце стояло несколько сейфов.

– Ну как, уважаемый? Подходит вам?

– Да, вполне.

– Что собираетесь хранить?

– Коробки с вещами – шестнадцать штук, если точно. Восемнадцать на восемнадцать на двадцать.

Хозяин присвистнул:

– Могу предложить вам заднюю комнату целиком, но не задаром.

– Сколько?

Мацумото бросил на Ивату косой взгляд:

– Если не секрет, уважаемый, почему вы просто не оставите их у себя?

– Секрет. Так сколько?

– Ладно. Для вас – тридцать пять штук в месяц.

---

¹ Район Харадзюку – место, где собираются токийские любители эксцентричной молодежной моды. (Здесь и далее – прим. пер.)

² Тамагояки – японский омлет.

Ивата покачал головой:

– Послушайте, предлагаю сделку: восемьдесят штук за три месяца. И в благодарность за уступчивость плачу вперед.

– Восемьдесят, – шурясь повторил хозяин, выпустив струю сигаретного дыма. – Авансом?

– Именно так.

– Да кто вы, кредитор в бегах?

– Мне нужно где-то схоронить барахло.

– Так могли бы отвезти его на большой склад, там дешевле.

– Не люблю формальности.

Мацумото пожал плечами:

– А, черт с вами. По рукам.

Незадолго до этого служащий банка вежливо напомнил Ивате, что денег от страховки осталось всего ничего. Тогда Ивата не придал этому значения. На улице Мацумото забрал у него пухлый концерт и вручил взамен связку ключей.

– Короче, увидимся через три месяца, – подмигнул он, развернулся и пошел прочь. Его конский хвост болтался из стороны в сторону.

На пути к машине до Иваты донесся раскат грома.

*

Около часу дня Ивата вошел в гигантский лабиринт вокзала Синдзюку и купил билет на скоростной поезд «Асама-573» до Нагано. Чистые сиденья и комфортная температура в купе были в самый раз. Проводники поклонились ему и удалились. Воцарилась тишина.

Поезд тронулся. Ивата задумчиво смотрел на удаляющийся Токио. Вот мимо пронеслись пригороды с районами новостроек и искусственными озерами. Как правило, здесь проживала дипломированная молодежь, приверженная здоровому питанию и спорту. Когда-то Ивата был одним из них – давно, задолго до того, как отправился в эту поездку. Он не мог припомнить, когда в последний раз сел в этот поезд, да не слишком и хотел.

Городские огни, как прекрасны они.

Но вот и панельные кварталы остались позади, а вокруг – километры безжизненных полей под линиями электропередачи. Зеленеющие холмы на горизонте словно вздыхали о потерянной любви.

*

В Нагано Ивата первым делом купил вечернюю газету и совершенно безвкусный готовый завтрак. Впрочем, аппетита у него не было. На старом поезде, лишенном всякого винтажного очарования, он направился в сторону гор. Этот тихоход размеренно трясся по зеленой долине, затем стал пытаясь взбираться на поросший лесом склон.

Ивата смотрел в окно. В городишках по пути следования размеренно протекала своя жизнь. Вот женщина на светофоре почесала локоть. А вот дети рисуют на покрытой граффити стене. Пожилая женщина на скамейке провожает глазами пролетевший мимо целлофановый пакет. Посреди рисового поля беспомощно мигает аварийкой брошенная машина.

Около пяти вечера Ивата наконец добрался до цели – безликого городка у озера Нодзири. Он сел в единственное такси у станции и назвал адрес Института Накамуры. И снова безрадостные пейзажи за окном вдоль дороги-призрака: заброшенные фабрики, полуразрушенные предприятия – все под снос. Таксист с интересом слушал по радио новость о том, как какой-то частный банк разорил компанию, занимающуюся глубоководным бурением. Его руки в белых перчатках спокойно лежали на руле.

Через прозрачный люк автомобиля было видно, как сгущаются сумерки. Вдали строительные краны застыли в ожидании прекрасного будущего. Ивате вспомнился рекламный слоган:

ПОСТРОИМ БУДУЩЕЕ ВМЕСТЕ

Ивата попросил водителя высадить его возле магазина, ему нужно было купить фруктов и пару теплых носков. Пожилая продавщица с улыбкой спросила:

– Навещаете своих?

Он кивнул ей в ответ и вышел. Подъем к зданию больницы был пологий и долгий. Несмотря на то что было холодно, Ивата успел вспотеть, пока добрался до главного входа. Девушка-администратор его сразу узнала и повела по коридору, осторожно ступая по свежewe-вымытому полу.

– Простите, что напоминаю, но, кажется, вы уже семь недель не вносили плату...

– Прошу прощения, очевидно, я ошибся в расчетах. Как только вернусь в Токио, я все улажу.

Администратор кивнула, словно извиняясь.

– Она на улице. Сюда, пожалуйста.

Поблагодарив девушку, Ивата направился в большой ухоженный сад. В дальнем его конце пациенты сажали цветы. На легком ветерке покачивались фламинго и слоны из папье-маше и крутились разноцветные вертушки. Через открытое окно доносились вокализы какой-то женщины. На другой стороне сада, где начиналась рощица, Ивата увидел ее. Она лежала в шезлонге, прикрытая одеялом.

Городские огни, как прекрасны они.

При виде Клео у него сжалось сердце. Впрочем, так было всегда, однако теперь к его ощущениям добавились новые нотки.

Я счастлива с тобой. Прошу тебя, скажи.

Он пододвинул пластиковый стул и сел рядом. Клео было тридцать с хвостиком, как и Ивате, ее светлые волосы недавно остригли шапочкой. Ее кожа стала бледнее, чем он помнил, а синие глаза уставились вдаль.

– Привет, – сказал он по-английски.

В кроне дерева над их головами без умолку щебетали птицы.

Я иду, иду, качаясь, словно челн в твоих руках.

Он робко взял ее за руку. Его губы дрожали. Из ее руки, такой маленькой, тепло ускользало, словно из камешка, поднятого на пляже.

Я счастлива с тобой. Прошу тебя, скажи.

Испугавшись, что причинил ей боль, Ивата выпустил ее руку.

– Я принес тебе фруктов. И носки. Они вечно теряются.

Он поставил корзинку рядом с шезлонгом. Она ничего не сказала.

– Попрошу вышить на них твоё имя. Тогда уж не спутают.

Она все смотрела на горизонт, словно этого занятия должно было хватить до конца жизни.

– Клео, ты кажешься сильной. И... здоровой.

Я счастлива с тобой. Прошу тебя, скажи мне слова любви.

Ивата зарыдал, зарывшись лицом в ладони.

Сучья жизнь. Сучья жизнь.

*

Ивата вернулся домой во втором часу ночи. В прихожей пришлось пробираться через детские велосипеды, стопки газет, швабры. Встроенные часы микроволновки окрашивали

квартиру в зеленоватый цвет. В углу громоздились коробки с вещами. Он отвел взгляд. Все равно скоро он их увезет. Но не завтра.

Качая пресс, Ивата смотрел телешоу «Говорим по-английски». Ведущая с фальшивым энтузиазмом похвалила участников за их произношение, просто чудовищное. Слово дня:

Неожиданный

Ивата выключил телевизор и разложил на полу фу-тон, купленный по дешевке. Укладываясь, он потянулся к окну, чтобы приоткрыть штору. Внизу сверкал неоновый Токио. Вечная суeta предпринимательства, каждый метр площади стремится к захвату и освоению. Низко нависали тяжелые тучи – Ивата затруднился бы определить их цвет. Стараясь не думать о Клео, он закрыл глаза, надеясь, что снов не будет.

Глава 2

Нелегкая работа

– Я просто о том, что в любой другой стране, сменишь там за четыре года четыре премьер-министра, наступил бы кризис.

– Он ведь еще работает!

– Пфф! Это всего лишь вопрос времени. Хотя, сказать по правде, Японии кризис не грозит. Очередная отставка приведет к тому, что политический двигатель так и будет крутиться вхолостую. Кого это заботит?

– Это называется политической апатией.

– Именно. На последних выборах явка была меньше 50 процентов. Как мы собираемся что-то изменить, если половину населения Японии ничего не трогает!

– Но, может, с этим просто вообще ничего нельзя поделать, и дело не в отсутствии интереса к политической жизни...

Глядя сквозь шторы на мрачный рассвет, Ива-та представил, как жители Токио по всему городу убавляют звук радио. И не потому, что обсуждалась неинтересная тема – раздражало самодовольство ведущих. Один орет на другого, что тот с ним не соглашается, – но в том-то и дело, что вести себя так они должны по условиям контракта.

– Как их заинтересовать? Вот возьмем школьников. Их не учат спрашивать «почему», не учат возражать, отстаивать свою позицию в споре. Они как губки – просто впитывают все, что им в голову вложат. Есть неординарные? Давай их в бейсбольную команду. Пусть там ищут свое место в жизни. Вот и выходит, что каждый японец с детства со всем соглашается – лишь бы согласиться...

Ивата переключился на местную частоту.

– В Токио пять часов утра, и, если вы только что присоединились к нам, напоминаем, что сегодня наш разговор идет об одной из наиболее активно развивающихся в последнее время религиозных организаций Японии – о «Тэте». Одни говорят, что она несет людям свет, обогащающий их жизненный путь, другие – что она просто занимается мошенничеством ради обогащения. А кто-то зашел так далеко, что считает ее культом. Что думают об этом наши радиослушатели? Задавайте свои вопросы нашим гостям. Звоните прямо сейчас, будем рады услышать вас!

Ивата переключал станции, пока не остановился на новостях.

– В настоящий момент платформы железнодорожной линии Яманотэ³ оснащены синими светодиодными лампами, специально разработанными в рамках программы сокращения постоянно растущего числа самоубийств среди пассажиров. Несмотря на отсутствие значимых научных данных о том, что использование подобных ламп способно изменить столь тревожную тенденцию, некоторые эксперты полагают, что синий цвет определенно может оказывать успокаивающий эффект. Передает Сумико Симосака.

Гудок поезда эхом отозвался в гомоне пассажиров, спешащих из только что прибывшего поезда, и в режущих слух объявлениях транспортной службы. Ивата любил подобные шумовые эффекты.

– В последние годы учащение случаев суицида в нашей стране происходило на фоне неблагоприятного экономического климата. – Голос у ведущей был детский, но боевой. – Печально, что снова и снова на платформах перегруженной линии Яманотэ совершаются

---

³ Линия Яманотэ – кольцевая линия городских электропоездов в Токио с самым большим пассажиропотоком, связывающая важнейшие транспортные узлы и деловые центры города.

такие трагедии. Какова же реакция руководства Восточно-Японской железнодорожной компании? По словам профессора Хироюки Харады из Национального исследовательского института, активного участника программы, синий цвет чаще всего ассоциируется с небом и океаном, именно поэтому он оказывает положительное воздействие на состояние людей, страдающих неврозами. Возникает вопрос, получим ли мы желаемый результат, притом что эффективность программы не нашла пока подтверждения, а денег в нее вложено уже немало? Мне удалось побеседовать с представителем Восточно-Японской железнодорожной компании.

В эфир дали фрагмент интервью.

– Господин Тадокоро, так как на данный момент нет ни одного неопровержимого доказательства, что замена осветительного оборудования поможет решить эту проблему, вы не боитесь, что при бюджете в 15 миллионов иен этот проект воспримется лишь как рекламный трюк?

В ответ послышался нервный смешок:

– Все очень просто. Люди гибнут, и наша обязанность – изменить эту ситуацию. Вот почему на всех 29 станциях линии Яманотэ внедрена новая система освещения. И это только начало. А 15 миллионов иен – сущая мелочь в случае успешного результата.

Вновь заговорил Симосака:

– Позиция вашей компании мне понятна, но к концу финансового года⁴ жители Токио почувствуют на себе реальное положение вещей в экономике, оно их может и разочаровать. Не случайно пик самоубийств традиционно приходится на март. Судя по предварительным данным Национального полицейского управления, в 2011 году число самоубийств продолжит расти. Что же касается синего освещения, то пока неясно, какое влияние оно окажет на пассажиров Токийской железной дороги. С вами была Сумико Симосака...

Ивата выключил радио. Он принял душ, наспех побрился, надел темный костюм и старый черный галстук и вышел из дома.

Втиснувшись в автобус № 51, Ивата всю дорогу пялился на пассажиров, играющих в телефоны. Он сошел за одну остановку до станции Сибуя, миновал небольшой канал, притаившийся меж стоящих вплотную друг к другу жилых домов явно завышенной стоимости. Рестораны, ютившиеся здесь, выживали лишь благодаря дневным посетителям – офисным служащим. На стенах заведений красовались многочисленные граффити и ободренные объявления странноватого содержания:

DVD.

КОМПЛЕКСНЫЕ ОБЕДЫ.

ЛЕКАРСТВА

Токийский дождь отдавал зловонием сточных вод. Кроме того, в воздухе ощущался специфический запах сои и выхлопных газов.

Свернув на Мэйдзи-дори, Ивата уперся взглядом в здание полицейского участка района Сибуя. 15-этажное V-образное строение бежевого цвета скорее напоминало штаб-квартиру международной страховой компании, чем полицейскую контору. В потоке пешеходов Ивата пересек залитую дождем мостовую и поспешил к лестнице, ведущей к главному входу.

В замызганном вестибюле в ожидании своей очереди сидели с растерянным видом безликие посетители. Ходатайства родственников задержанных, жалобы молодых женщин на домогательства незнакомцев, заявления о краже велосипедов – хлеб насущный сотрудников отдела полиции. Обогнув очередь, Ивата подошел к стойке администратора и представился. Лысеющий полицейский выписал ему временный пропуск.

---

⁴ Финансовый год – период, на который устанавливается бюджет и за который подводятся финансовые итоги. В Японии традиционно с 1 апреля по 31 марта.

– Вам на двенадцатый. Лифты в дальнем конце холла.

Стены лифта пестрели объявлениями о розыске подозреваемых в преступлениях и пропавших без вести граждан. Огромный плакат инструктировал туристов о пошаговых действиях при обращении в полицию:

1. РАССКАЖИТЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО

Меня ограбили. – Доробо десю.

Я попал в аварию. – Котсю дзико десю.

2. НАЗОВИТЕ ВАШЕ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ

3. НАЗОВИТЕ ВАШЕ ИМЯ И АДРЕС

Из лифта Ивата попал в вибрирующую от телефонной болтовни и сигаретного дыма атмосферу просторного офиса. Галогеновые лампы придавали лицам неприятный болезненный оттенок. Всю заднюю стену занимала гигантская цифровая карта Токио, на которой тут и там вспыхивали огоньки, обозначающие место происшествия. Город был темный, а огоньки красные. Под картой, подобно миганию уставших глаз, зелеными сигналами пульсировали ряды мониторов. Ивата уловил запах освежителя воздуха; но цветочному аромату было не под силу заглушить резкую вонь потных подмышек.

Все были погружены в работу, за исключением кучковавшейся в центре комнаты компании бездельников в скверных костюмах, что уставились на фотографии с места преступления. Самый высокий из них сжал губы и фыркнул.

– Да не гони ты, Хорибе. – Он говорил в нос, с невозмутимым видом. – При первой же возможности ты свое возьмешь.

Раздался дружный гогот, а сам Хорибе скривился в кислой мине. Ивата прошествовал мимо и в конце комнаты остановился перед дверью с табличкой

Старший инспектор Исао Синдо

Он решительно постучал и вошел. Кабинет инспектора оказался безликим квадратным помещением с опущенными шторами. Синдо, высокий мужчина лет пятидесяти с намечающейся лысиной, казалось, давно не мылся и не брился, не говоря уж о регулярных пробежках. Ивата поклонился и переложил пачку бумаг с одного из стульев. Синдо потер свой когда-то сломанный нос и уставился на гостя. Ивата словно не замечал его взгляда, продолжая осматривать комнату.

Ничего личного – ни фотографий, ни наград, ни детских рисунков, лишь картотечные шкафы, папки с документами да следы от кофейных чашек – что определенно вызывало уважение.

– Так, – начал Синдо усталым надтреснутым голосом. – Выходит, вы наш новый инспектор?

– Так точно, сэр.

– Ивата? – Он держал в руках личное дело Ива-ты, листая страницы.

– Так точно.

– В Штатах учились?

– Изучал политологию в Калифорнийском университете, потом прошел практический курс для сотрудников правопорядка в колледже Мирамар в Сан-Диего.

– Возможно, этого достаточно для американского копа. А что у вас имеется из местного опыта?

– Практика и аттестация в Национальном полицейском агентстве в Футю.

– Другие учебные заведения Японии?

– После окончания училища – нет, сэр. Все данные должны быть в моем личном деле.

– Я умею читать, Ивата. Но сейчас мы беседуем.

– Конечно, сэр.

– Скажите, вы вообще-то считаете себя японцем?

– Я родом отсюда, сэр. Мои родители тоже. На моем паспорте изображен цветок хризантемы – точно такой же, как на вашем. Я – японец, сэр, независимо от того, что я считаю.

Синдо хмыкнул и откинулся на спинку стула.

– Практический опыт полицейской работы?

– Четыре года. Полиция префектуры Тиба. Управление Тёси.

– Спокойная жизнь на побережье, а?

– Я работал в отделе убийств, сэр.

– И что же, случались у вас настоящие убийства? Самоубийства и аварии не в счет.

– Не раз. В том числе убийства на озере Хинума.

– Вели это дело?

Ивата кивнул.

– Да, припоминаю, что-то читал об этом в газетах. Громкая история. – Синдо замолчал, просматривая последние страницы дела Иваты, после чего спросил: – А потом вы взяли отпуск на... четырнадцать месяцев?

– Да, сэр.

– Это не мое дело – но это мое дело, понимаете? Ивата кивнул, и Синдо захлопнул папку. Он узнал все, что надо.

– Я должен спросить. Ты уверен, что Токио тебе по плечу? Чтобы продержаться в первом отделе, требуются стальные нервы. Это не возвращение к привычному – это подъем сразу на два-три уровня. Осознаешь это?

– Я готов, сэр. Уверю вас.

Синдо потер пальцами губы.

– Ну ладно. Буду с тобой честен. Я не люблю парней, которых к нам переводят. Сотрудники первого отдела должны знать все нюансы работы, а не пускать пыль в глаза. – Синдо вздохнул. – Но у тебя отличное образование. Хорошие рекомендации от коллег из Тёси. И по-английски говоришь. И дела раскрывал. Это впечатляет, чего там.

Ивата взглянул на стопку толстых папок с делами на столе инспектора. Он заметил, что в пластиковом контейнере из-под еды полно салфеток, а единственным прибором, которым пользовался инспектор, был нож.

– Решено, – резюмировал Синдо, казалось, сам для себя. Затем поднял трубку телефона: – Сакаи? Зайдите ко мне, пожалуйста.

Он повесил трубку со вздохом, в котором Ивате послышалась затаенная досада.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошла молодая женщина лет под тридцать. На ней был серый костюм и ослепительно-белая блузка. Она словно не замечала своей красоты, а улыбка ее была дежурной. Ростом лишь немного ниже Иваты, на шее – тонкая золотая цепочка с бабочкой. Она быстро поклонилась, но Синдо замахал рукой:

– Садись, садись.

Когда она садилась, Ивата уловил аромат ее духов. Без цветочных нот, словно исключительно для формальности.

– Сакаи, это наш новый сотрудник, инспектор Ивата. Он будет вести расследование, а вы ему поможете. Добро пожаловать в отдел убийств, ребята.

Она искоса взглянула на Ивату. Если она и обрадовалась, то никак этого не показала.

– А как же дело Такары Мацуу, сэр?

Голос у нее был неожиданно низким.

– Считайте, что «пропавших без вести» вы переросли. Этого придурка рано или поздно найдут в сточной канаве. Еще вопросы, Сакаи?

– Нет, сэр. Спасибо за доверие.

Синдо взял со стопки верхнюю папку, помеченную крупной надписью:

УБИЙСТВО СЕМЬИ КАНЕСИРО

Прежде чем передать дело своим сотрудникам, он направил в их сторону согнутый палец: – Значит так, смотрите в оба. Будьте предельно осторожны. Это дело вел покойный Акаси – пока не звезданулся на хрен три дня назад с моста. Он был здешней легендой, так что держите марку. Кроме того, дело Мины Фонг обрушилось на нас с мощью цунами. Делайте все возможное и невозможное, но помощи от других отделов не ждите. Семья корейская, на первые полосы не тянет. Особенно когда в собственной квартире нашли труп секс-символа.

Он протянул папку через стол Ивате, который тут же принялся за чтение. Спустя минуту он спросил:

– Что, всю семью?

Синдо криво улыбнулся:

– Именно так, сынок. Это вторая, а может, третья степень тяжести. Ну, за работу! Их убили в ночь после Дня святого Валентина, так что вы уже опаздываете.

Ивата и Сакаи одновременно встали и поклонились.

– Рады стараться, сэр! – выкрикнула Сакаи.

– Хотелось бы надеяться.

Не удостоив партнера взглядом, Сакаи открыла дверь и пошла по центральному проходу офиса. Она уверенной походкой направилась к лифту, игнорируя взгляды коллег – видимо, давно привыкла. Группка мужчин вокруг кулера при ее приближении затихла. Когда они миновали эту компанию, мимо уха Иваты вжикнула резинка и отскочила от спины Сакаи. Она не замедлила шага, но Ивата заметил, как покраснело ее лицо. Обернувшись, он наткнулся на ухмылку самого высокого мужика. Землистого цвета кожа, безупречная короткая стрижка, влажные алые губы. При взгляде на Ивату его губы растянулись в улыбке – то ли в знак предупреждения, то ли насмешки. А за ними проглядывали собачьи клыки.

Господь – свет мой и спасение мое:

Кого мне бояться?

– Не теряешь времени даром! – гаркнул он.

Ивата отвернулся.

Сакаи ждала лифт, скрестив руки на груди. Двери открылись, и Ивата вошел в лифт вслед за ней.

На служебной парковке Сакаи подошла к будке охранника, показала значок и расписалась за машину. Это была темно-бордовая «тойота-краун».

– Она числится за тобой. – Сакаи бросила ему ключи. – Так что не лихачь.

Как только они выехали на Мэйдзи-дори, на них обрушился дождь. Сакаи нажала кнопку, и тусклая улица окрасилась в ярко-синий. Завыла сирена, и поток машин начал распадаться надвое. Ивата направлялся на запад, в сторону Сэтагаи.

*

Этот популярнейший район города в тот день словно вымер. Слышался лишь шум дождя, барабанившего по листьям деревьев. Улицы опустели. Где-то вдалеке в направлении центра города прогремел неторопливый поезд.

Ивата и Сакаи вышли из машины. Парковка представляла собой открытый участок, что вклинился между рекой Тама и полосой деревьев, служащей своеобразной границей университетской территории. Сакаи наглухо застегнула черный плащ и пошла вперед. Она вела его вниз по ступеням к самой воде. Ивата остановился.

– Сакаи.

– В чем дело?

– К этому времени место преступления должно быть оцеплено полицией, а свидетели опрошены. Все эти автомобили нужно проверить.

– Ты же слышал, что говорил Синдо о взаимодействии.

Ивата достал блокнот и записал номера трех машин со стоянки, после чего они двинулись в направлении юга вдоль берега реки, поверхность которой была усеяна не ко времени облетевшими лепестками вишни, пока не дошли до лестницы, ведущей к комплексу жилых домов, обнесенных оградой. Под дождем ежился несчастного вида полицейский; из-под надвинутой на лоб фуражки белым облачком вырывалось его дыхание.

– Простите, пресса не допускается.

Сакаи едва улыбнулась и вытащила свое удостоверение. Полицейский извинился, приподнял желтую ленту и открыл им ворота. Малахитовая муть луж образовала во внутреннем дворе хлюпающее болото. В брошенных касках скопилась вода. Строительная техника напоминала спящий скот. Однако броская вывеска гласила:

«Вивус констракшн» – ХОРОШАЯ ЖИЗНЬ

От комплекса осталось уже немного. Снос затронул все здания, кроме одного, самого дальнего. Сакаи чертыхалась, шлепая по грязи, но и не думала замедлить шаг.

– Догоняй, – бросила она через плечо. – Что ты топчешься.

Не считая внушительных размеров, дом семейства Канесиро являлся самой обычной двухэтажной бетонной коробкой, огороженной небольшим забором. Он сохранился в прекрасном состоянии, с гаражом и балкончиком на втором этаже. Этакий лакомый кусочек в отдалении от шумных улиц – настоящая городская дача, под нависающими кронами деревьев. Все шторы в доме были задернуты, а окна закрыты. Кроме одного.

Под навесом в длиннополых форменных дождевиках стояли двое полицейских, они изучали газетную статью, посвященную смерти Мины Фонг.

САМОУБИЙСТВО? ИЛИ НЕЧТО БОЛЬШЕЕ?

СЕНСАЦИОННЫЕ ПОДРОБНОСТИ ДАЛЕЕ В НОМЕРЕ!

У высокого худого копа напрочь отсутствовал подбородок, а коротышка с родинкой над бровью, видимо, красил волосы в рыжий цвет. Родинка подпрыгнула вверх, когда он увидел Сакаи:

– Вы кто такие?

Сакаи махнула удостоверением и стряхнула с брюк ошметки грязи.

– Отоприте дверь, – сказала она без всякого выражения.

Тот, что без подбородка, осклабился и вернулся к газете. Родинка покраснел. Облизнув губы, он спросил:

– Хотите сказать, что вы – следователи?

Как только Сакаи взглянула на него, он тут же осознал свою ошибку.

– А ты что подумал, разноски пиццы?

– Да нет, я просто...

– Имя?

– Хатанака. Но...

– Значит, Хатанака. Я попросила тебя открыть дверь. Но по непонятной причине мы до сих пор дискутируем. Так что перехожу к угрозам. Но имей в виду, все это не для протокола. Зато касается твоей жирной задницы, камеры с бугаями и подгузников для взрослых. Надеюсь, ты улавливаешь, что подгузники твоего размера вряд ли найдутся.

Побледневший Хатанака кивнул. Сакаи повернулась к дылде и выдернула газету из его рук.

– А ты к той минуте, когда я тут закончу, оцепишь парковку и раздобудешь имена владельцев тачек, или останешься калеккой. Знаю я десяток-другой плохих парней, которые с удо-

вольствием врежут тебе по почкам – а потом подадут их мне на блюдечке. Мы поняли друг друга?

Оба испуганно кивнули.

– Славненько. Спасибо, офицеры. Пшли отсюда.

Дылда тут же затрусил к парковке, на ходу цепляя рацию. Хатанака вытащил из кармана ключи от дома. Ивата изо всех сил сдерживал смех.

– К моменту прибытия полиции дверь была закрыта?

– Да, сэр.

– Кто обнаружил тела?

– Бабушка по материнской линии.

– Где находятся тела?

– В распоряжении судмедэксперта.

Хатанака отпер дверь, и Сакаи уверенно вошла в дом, не заступая за линию, обозначенную на полу клейкой лентой синего цвета. За ней тянулся легкий шлейф пряного аромата. Поначалу легкий. Но через мгновение его накрыла терпкая с землистым привкусом волна, словно он содрал с грунта клоч лесного мха и зарылся лицом в потаенные земные недра.

Я счастлива с тобой, прошу тебя, скажи мне.

– Инспектор! – Хатанака недоуменно хмурился.

– Да?

– Я говорю, могу ли я быть чем-то полезен.

Ивата прокашлялся, собираясь с мыслями.

– Во-первых, сообщите ваш номер телефона. Далее, проведите широкий опрос соседей. Я хочу знать, были ли у них долги, недоброжелатели, враги и так далее. И не забудьте про любовные делишки. Убийства произошли в ночь на святого Валентина. Шашни, старые сплетни, в общем, вы поняли.

– Да, сэр.

Хатанака нацарапал свой номер на клочке бумаги, поклонился и вышел, закрыв за собой дверь. В коридоре было сумрачно и тихо. Прихожая заставлена обувью. На стенах фотографии. Дом как дом.

Блажен тот, будь он царь или смерд, кто находит мир в доме своем.

Ивата стоял рядом с Сакаи, которая быстро пролистывала дело.

– Ну что, готов?

– Готов.

– Отлично. Итак, Фред Флинтстоун был обнаружен наверху, в спальне. Тела остальных – здесь, – она махнула в сторону гостиной.

– Хатанака сообщил, что дверь была заперта.

– Вероятно, у убийцы был ключ. Или они его знали.

– Однако наверху открыто окно, а на входной двери отпечатков пальцев не нашли.

– Значит, он был в перчатках. Поздравляю, есть первая зацепка. Приступим?

– Да, мэм.

– Сначала дамы, – с этими словами она распахнула дверь гостиной.

Ивата закрыл глаза, сделал глубокий вдох и вошел внутрь.

Я иду, иду, качаясь, словно челн в твоих руках.

Комнату освещало множество ламп. Тела убитых успели унести, но тошнотворный запах все еще наполнял воздух. Ивата хорошо его знал. Запах разлагающейся органики – белков, жиров и углеводов. Трупный смрад. Гнилостная жижа, вытекающая из кишок вследствие постепенного разрушения соединительных тканей. Словом, хлеб насущный первого отдела.

– Как живописно. – Сакаи кивком указала на гигантское кровавое пятно на стене. – Этот урод Пикассо из себя корчит, что ли?

- Ты хотела сказать, Поллока.
- Кого?
- Неважно.

Ивата переступил через пропитавшуюся кровью школьную тетрадку. Капля крови приземлилась на кончик носа улыбающейся модели, красовавшейся на обложке журнала «Домашний очаг». На подоконнике, безвольно опустив листья, умирал маленький бонсай. Сакаи кивнула на три отчетливых, уже потемневших кровавых пятна на ковре.

- Знакомься: Вилма, Бам-Бам и Крошка Пебблс.

Она молча передала ему несколько фотографий. Мать семейства лежала распластавшись на спине, со вспоротыми внутренностями и перерезанным горлом. Старший сын-подросток умер, сидя спиной к стене, с огромной раной в области живота. В углу скорчился труп маленькой девочки, со вздернутыми словно от немого ужаса перед смертью плечиками.

Городские огни, как прекрасны они.

– Думаю, схема такая. – Сакаи сжала руки так, что хрустнули суставы. – Убийца угрожает детям, мать ничем не может им помочь. Он убивает ее тут же, первой. Мальчик бросается на ее защиту. Он большой, сильный, возможно, ударил убийцу раз-другой. Так что первую ножевую рану убийца нанес ему защищаясь. Последней он убивает малышку, перерезая ей горло. Та забилась в угол от страха.

Ивата кивнул. Мертвые дети и гниющие трупы лишь часть их работы, такая же, как перегруженные перекрестки и полицейские отчеты.

- Отличный анализ, Сакаи.

Она проигнорировала комплимент, продолжая листать материалы дела.

- Наш Пикассо не оставил ни единого отпечатка.
- Идем дальше.

Они осмотрели подвальный этаж, там все было на месте. Поднявшись наверх, заглянули в ванную. Окно над унитазом было распахнуто, холодный ветер со свистом врвался в дом. Ивата опустил сиденье, и на нем обнаружился след грязного ботинка.

- Ведь об этом в деле ни слова?

Сакаи пожала плечами.

- По крайней мере, теперь мы точно знаем, как он сюда проник.

Они вышли в коридор и отправились в комнаты детей, где не нашли ничего необычного. Затем осмотрели балкон и подземный гараж. По всей видимости, у семьи не было автомобиля, несмотря на несколько масляных пятен на полу и старую бутылку с антифризом.

- Где же машина? – спросила Сакаи вслух.

- Гараж давно пустует. Они ее продали?

– Сейчас. – Ивата набрал номер Хатанаки. – Алло, это снова я. Такой вопрос, пробейте-ка мне машину, зарегистрированную на имя Канесиро. Возможно, у них были финансовые проблемы, и они ее продали. Или заявляли об угоне. Дайте знать, как только выясните.

Когда Ивата отключился, Сакаи подмигнула ему:

- Быстро соображаешь.
- Что там осталось? – спросил он в ответ.
- Кабинет и спальня родителей.
- Тогда пошли.

Они снова поднялись наверх. Дверь кабинета была распахнута настежь. Слева от клавиатуры включенного компьютера стояло ведро растаявшего мятного мороженого.

- Странно, – тихо произнес Ивата.
- Возможно, он решил подкрепиться. После тяжелой работы.
- Не видно ложки.

Сакаи передала ему папку с делом, уселась перед компьютером и, натянув резиновую перчатку, открыла историю поиска.

– Надо же! – Она почесала затылок. – Да он просидел в сети несколько часов.

– Это точно он?

– Сайты открывали намного позже времени смерти. Театральные новинки, новости бейсбола и, наконец, поиск рейсов в Корею. В деле нет ни слова о проверке компьютера, но, думаю, нашим гениям стоит минут двадцать здесь покопаться.

Ивата отрицательно покачал головой:

– Концы не сходятся, Сакаи. Он убивает целую семью, не оставив отпечатков, и «забывает» удалить историю поиска?

– Хочешь сказать, ложный след?

Ивата пожал плечами:

– Ведь все остальное он явно спланировал.

Сакаи задумалась.

– Возможно. Слишком уж хитер наш Пикассо, мать его.

Ивата перелистывал дело.

– Тебе не кажется, что тут многого не хватает? Словно все сделано наспех?

– Неудивительно, учитывая случившееся с инспектором Акаси. Пошли взглянем, что там в последней комнате.

Из кабинета они направились к спальне, перед дверью которой обнаружили кровавое пятно. Они остановились, и Сакаи заговорила первой:

– Так. Фред лежит в постели. Предположим, неважно себя чувствует. Услышав звуки из ванной, выходит посмотреть. Почему он вышел? Почему не решил, что у жены просто несварение?

– Возможно, шум был громкий. След смазан, так? Может, убийца поскользнулся и упал.

– Не исключено. Как бы то ни было, хозяин дома выходит, видит Пикассо, и начинается драка. Убийца берет верх, выведя из строя основного противника, и теперь у него развязаны руки.

Ивата наклонился к кровавой луже.

– Отец был тяжело ранен, но нам известно, что он умер в спальне.

– И что же?

– Если он был в сознании, он мог слышать, как тот внизу разделяется с его семьей.

– Господи, как я люблю свою работу. – Сакаи сморщила нос. – Готов?

Ивата кивнул, и Сакаи открыла дверь в спальню. Повсюду была кровь Цунемасы Канесиро.

Городские огни, как прекрасны они.

Ивата знал, как совершаются убийства. Знал он и что бывает после смерти. Кремация отца займет девяносто минут. Кремация сына, Сейдзи, приблизительно столько же. Такако, жену главы семейства, кремируют за сорок пять минут. Ну а шестилетнюю Хану – минут за двадцать. Для кого-то – полдня работы, не больше.

Ивата смотрел на закат за скалистыми вершинами. Смотрел на камни внизу. На мгновение его охватила оторопь.

Я счастлива с тобой, прошу тебя, скажи.

– Ивата, что с тобой?

– Все в порядке. – Он взял себя в руки. – Здесь темновато.

Сакаи разглядывала пятно крови на кровати. Ива-та распахнул шторы, впуская в комнату яркий свет.

И тогда увидел.

Сакаи пока ничего не заметила. Она сосредоточила все внимание на снимке трупа отца. Множество колотых ран, и это уже после первого нападения в коридоре. Похоже, Фред стал для Пикассо музой.

На фотографии между ребер несчастного виднелось глубокое отверстие.

– Он вынул из него сердце, – шепотом произнес Ивата, все еще глядя на потолок. – Это ритуальные убийства, Сакаи. Сердце – это знак. Видишь, он вырезал только сердце хозяина дома, мужчины. У остальных не тронул.

– Ритуальные убийства? А ты не преувеличиваешь? Может, он убил из-за денег или из мести. А может, мы имеем дело с психом, который увидел открытое окно и решил воспользоваться случаем. Не молчи!

Вместо ответа Ивата указал на потолок. Сакаи прикрыла рот ладонью:

– Ни хрена себе!

На потолке жирными мазками было изображено черное солнце.

Глава 3

«Я рядом»

Как всегда в обеденное время, кафе «Дутор» было набито битком. Болтливые домохозяйки, ахающие и охающие над своими чашечками кофе, офисные работники, без аппетита жующие пончики. Сакаи потягивала какао, изредка покачивая головой. На столе лежали распечатки из истории веб-поиска убийцы с домашнего компьютера Канесиро.

– Тот факт, что он не забронировал рейс через их компьютер, не означает, что он не сделал этого позже. Может быть, по телефону. Ты думаешь, стал бы такой урод тратить добрых двадцать минут на поиск рейсов в Сеул, если бы не собирался туда лететь?

– Думаю, стал бы. – Ивата нервно покусывал ноготь и постукивал ногой, глядя на черное солнце, которое перерисовал себе в блокнот.

– Зачем?

– Возможно, потому, что знает, будь у нас логичное объяснение, мы пойдем по этому следу.

Сакаи рассмеялась:

– Значит, ты и вправду бывший коп.

– Забронировав рейс с компьютера Канесиро, он раскрыл бы свое имя, что для него равносильно смертному приговору.

Сакаи слизнула капельку какао с верхней губы.

– Может, он был не в себе после убийства целой семьи? А может, смылся, потому что его спугнули?

Теперь Ивата не согласился:

– Он совершил все убийства около десяти часов вечера, а к восьми утра успел прикончить еду из их холодильника, решить sudoku в их газете, послушать их диски и поискать рейсы в Корею на их компьютере. И ты думаешь, преступника, который зарезал ребенка и вынул сердце из груди его отца, напугал бы звук хлопающей двери?

Сакаи немного подумала и знаком попросила официанта повторить. Ивата покачал головой:

– Или его вывели из себя настойчивые звонки бабушки.

– Возможно. Но заметь, он покинул дом среди бела дня, совершенно уверенный, что никто его не узнает.

– Я просто хочу сказать, что, если он надел перчатки и нарисовал какую-то хрень на потолке, это не значит, что он гений.

Сакаи принесли какао, и она бросила в чашку горстку печенья.

– Сакаи, не боишься потерять зубы?

Она презрительно сощурилась и продолжала с удовольствием потягивать напиток.

– Продолжай. Что же превращает его в выдающегося злодея?

– По статистике, гениальных преступников рождается один на миллион. Но может оказаться, что наш убийца не вписывается в эту схему.

– Да хрен бы с ним. Твой мозг явно без дефектов, да и я не тупица.

– Меня беспокоит не его интеллект, Сакаи. Самое страшное, что, насколько я могу судить, он не оставил после себя ни единой улики. Одержимость, дотошное планирование и хладнокровная решимость осуществить свои фантазии – наплевав на последствия. Почерк серийного убийцы.

– Но с чего ты взял, что он маньяк? Убита пока одна семья.

– По определению ФБР, один из признаков серийности – четыре или пять жертв. Формально он соблюден.

- Ты служил в ФБР?
- Нет. Это стандартная квалификация. Мы изучали это на стажировке.
- Почему ты так уверен, что он проявит себя еще?
- Этот символ, он не просто так его оставил. Это своеобразный знак качества его работы, его убеждений. Манифест. Вот ты называешь его Пикассо. Художник не оставляет автограф на картине, если не собирается писать еще.
- Что же означает этот символ?
- Понятия не имею. Но я знаю, что он хотел нам сказать.
- Что же?
- «Я рядом. Я еще не закончил».

Сакаи допила свое какао и теперь собирала ложечкой остатки печенья. Ивата тоже допил кофе и заплатил, не забыв сохранить чек – расходы им компенсировали, и он надеялся получить свои деньги назад. Дождик еще моросил, но Сакаи все равно поспешила к машине. Ивата сел за руль, и они поехали в Центр судмедэкспертизы. Пока они ехали по скоростной автострате, Сакаи снова погрузилась в папку с делом. Вскоре зазвонил ее телефон, и она ответила без приветствия:

– Хорошо, спасибо. – Захлопнув крышку мобильного, она сказала: – Это с девятого этажа. Они не могут извлечь ДНК из мороженого. Отпечаток ботинка слишком смазан для анализа. Ясно только одно: у убийцы большой размер обуви. Сорок третий.

Ивата поднял взгляд:

- Сорок третий?
- Похоже, мы столкнулись с гигантом, – усмехнулась она.

*

Токийский Центр судебно-медицинской экспертизы занимал одно из крупнейших зданий в Бункё – высокая Г-образная конструкция, отбрасывающая тень на детскую площадку через дорогу. Стены вестибюля были увешаны впечатляющими статистическими данными.

ЕЖЕГОДНО
В НАШ ЦЕНТР ПОСТУПАЕТ 20 % ТЕЛ
УМЕРШИХ В ТОКИО

ОСУЩЕСТВЛЯЕТСЯ БОЛЕЕ
13 000 МЕДИЦИНСКИХ ЭКСПЕРТИЗ

ПРОВОДИТСЯ БОЛЕЕ 2650 ВСКРЫТИЙ

Ивата знал, что этим утром проведено по меньшей мере четыре вскрытия.

У стойки регистратуры Сакаи показала свой значок, и их провели через служебную дверь. На лифте они спустились в цокольный этаж. Когда двери лифта открылись, их встретила невысокая женщина средних лет в медицинском халате, с волосами, забранными в хвост, с надписями ручкой на тыльных сторонах обеих ладоней и желтыми от табака кончиками пальцев.

- Я доктор Игути. Вы насчет той семейки, да? – спросила она прокурорным голосом.
- Да. Я Сакаи, это Ивата.
- Вы рано пришли. Обычно здешние клиенты являются с опозданием. – Детективы переглянулись. – Простите – профессиональный юмор.
- Она пошла вперед.
- Они здесь четвертый день, я уж думала, никто за ними не придет.

– Случилась задержка в связи со сменой группы расследования.

Игути подняла бровь, но промолчала.

Она привела их в большую, сияющую чистотой прозекторскую с бежевыми стенами и металлическими столами.

Городские огни, как прекрасны они.

Длинные ряды галогенных ламп заливали помещение ярким светом. На металлических столах не было ни пятнышка. На четырех из них покоились тела членов семьи Канесиро.

– Что ж, – начала Игути, – думаю, можно смело квалифицировать это как убийство. Все жертвы были зарезаны. Некоторые даже больше остальных. – Она с робкой улыбкой взглянула на собеседников. – Ваш предшественник обладал более развитым чувством юмора.

Игути небрежно ткнула пальцем в сторону Цунемасы и Сейдзи Канесиро, словно показывала новым жильцам электросчетчики:

– И отец и сын боролись с убийцей, но ни на одном нет чужой крови, под ногтями тоже ничего.

Отец с сыном были похожи, хотя первый пострадал гораздо серьезнее. Его вспороли, словно рыбину. С левой стороны, под нижним ребром, откуда преступник вытащил его сердце, зияла большая дыра. Его веки были порваны, со лба свисали бледные полоски кожи.

– Судя по характеру ран, ваш убийца левша. А учитывая повреждения костей в местах ударов и то, как он ловко добрался до сердца, он невероятно силен.

Доктор махнула в сторону тел матери и дочери, явно без интереса:

– Надо добавить, что ни одна из жертв не подверглась сексуальному насилию.

У девочки были длинные ресницы, рот приоткрыт, а щеки покрывала восковая бледность. Под маленьким подбородком тянулся длинный глубокий порез, изогнутый словно в улыбке.

– Доктор, а что скажете об оружии убийства? – спросил Ивата, отводя глаза от неподвижного бледного тельца.

Та загадочно улыбнулась:

– А вот это очень интересно, инспектор. Как правило, мы можем сказать многое о конкретном типе лезвия, о модели ножа и так далее. Каждый нож оставляет некий след, особые приметы.

– Но это не наш случай, так?

– У нас обширная база, но должна признаться, эта семья была зарезана предметом, с которым я еще не сталкивалась.

– Простите, доктор, что вы имеете в виду?

– То, что все они были убиты ножом, которые не продаются в Японии. Раны слишком точные, нанесенные чем-то очень *острым*.

– Возможно, это разновидность скальпеля?

– Нет, раны слишком большие для скальпеля. Их могли нанести чем-то вроде мачете. Возможно, небольшим мечом.

Ивата и Сакаи снова переглянулись. Доктор заговорила снова, Сакаи стала делать пометки в своих записях.

– Результаты анализов крови, мочи и содержимого желудков будут готовы завтра утром. На всех телах есть следы какой-то черной субстанции вроде сажи. Больше всего – на теле отца; его испачкан указательный палец левой руки, хотя он правша. Возможно, против его воли.

– Черное солнце, – прошептал Ивата. – Отца заставили нарисовать его.

Доктор Игути вывела их из прозекторской.

– Вот что. Как бы выразиться поделикатнее...

– Похоронами занимается бабушка со стороны матери, – перебила Сакаи. – Тела должны забрать завтра до полудня.

– Хорошо. Мы работаем с 8:30. К этому времени я подготовлю для вас отчет.

– Вот мой номер. – Ивата вырвал листок из блокнота и протянул Игути.

Детективы поклонились и направились к выходу из здания. Когда они садились в машину, у Сакаи зазвонил телефон.

– А, это ты... Да? Прекрасно. Имя-то у тебя есть? – Она прижала телефон плечом и что-то записала. – Ладно, еще что-нибудь узнал? В 2010-м? Так, отлично. А твой дружок уже обработал номера машин на парковке? Нет, это меня не интересует. Значит, сейчас два часа дня. Я перезвоню в пять и хочу услышать имена. Твой дружок не отвечает, и ты в ответе за его косяк. Тебе все ясно? – На лице Сакаи мелькнула злорадная улыбка. – Кстати, Хатанака. Ты помнишь наш разговор? Просто учти, я – женщина, которая держит слово. – Она нажала кнопку отбоя. – Это тот придурок с родинкой.

– Хатанака?

– Именно. Сообщил две вещи. Во-первых, у семьи была машина. «Хонда-одиссей» 2010 года. Информации о продаже или угоне нет.

– Тот, кто ее позаимствовал, точно наш клиент.

– Согласна. А во-вторых, Хатанака через соседей узнал одно имя. – Она развернула перед ним блокнот.

– Кодай Кийота, – прочел Ивата вслух.

– Все знали, что у него с Канесиро были напряженные отношения. Очевидно, он связан с девелоперской компанией, которая занимается сносом домов в этом районе.

– Он хотел их выселить, а они уперлись?

– Очень может быть. – Она пожала плечами. – Но вот что важно, в прошлом он был одним из громил в якудза. И это не все: по данным из нашей базы, его рост – 188 сантиметров.

– В таком случае нужно его найти. Я высажу тебя у главной конторы. Как только найдешь его, позвони мне.

– А ты куда?

– Отец семейства работал в колл-центре в Кейотамагаве, а мать в университете неподалеку. Поговорю с коллегами, вдруг что-то узнаю.

Сакаи зевнула и взглянула на него:

– А сам ты откуда?

– Из Миямы. Деревушка поблизости от Киото.

– Говорят, ты жил в Америке.

– Провел там какое-то время в молодости. Окончил колледж. А ты откуда?

– Из Канадзавы.

Ивата рассмеялся.

– Что тут смешного?

– Мне сложно представить, как ты задумчиво бродишь по парку Кэнрокуэн⁵. Ты правда там выросла?

– Там я стала полицейским.

Ивата искоса взглянул на нее. Она покусывала губу и глядела в окно. По обе стороны шоссе мелькали корпуса дешевых гостиниц. Клетушки для любовников на час соседствовали с унылыми и дорогими жилыми кварталами.

Я счастлива с тобой.

– А что за чувак был там утром? Когда мы шли к лифту.

– Кто? – рассеянно спросила она, не отрывая глаз от окна.

– Тот, что стрельнул в тебя резинкой.

---

⁵ Парк Кэнроку-эн – самый большой парк Канадзавы, один из трех знаменитых парков Японии. Парк был создан в XVII веке и открыт для публики в 1875 году.

Она повернулась к нему и с минуту изучающе разглядывала.

– Его зовут Морото.

– Что ему надо?

– Морото, он... Слушай, держись от него подальше.

Загорелся зеленый в направлении центра Сэтагаи, и Ивата свернул с шоссе.

– Конечно, по одежке не судят, но сдаётся мне, этот Морото – полное дерьмо.

Он отвернулся к окну.

– Знаешь, Ивата, для парня из области Кансай ты не такой уж придурок.

Они впервые улыбнулись друг другу; остаток пути до управления полиции Сэтагаи прошёл в молчании.

*

Компания «Хеппи Клауд коммуникейшнз» располагалась на втором этаже невысокого дома в тени здания многоуровневой парковки. Пройдя по безлюдной улочке мимо корейского ресторана и крохотной зубной клиники, Ивата оказался у входа в офис. Он нажал на кнопку, и ему открыл толстяк в грязной кофте. Ивата показал свой значок.

– А, вы, наверное, по поводу Канесиро?

Ивата кивнул.

– Я Нива, менеджер. Пойдемте, я покажу вам его стол.

Ивата прошёл за ним в помещение без окон с желтыми стенами и растениями в пластиковых горшках. Около тридцати сотрудников сидели каждый в своей кабинке, увлеченные телефонными разговорами. Молодой человек с длинными волосами и мягким выражением лица взглянул на Ивату и тут же отвёл глаза. Вскоре он встал и вышел из комнаты.

– У Канесиро были здесь недоброжелатели, господин Нива?

Вместо ответа тот фыркнул и обернулся. Его плечи усыпала перхоть.

– Что? Да он едва с кем словом обменивался. Он занимался компьютерным обеспечением и почти не общался с сотрудниками. «Доброе утро» да «до свидания», вот и все. Вот его кабинет.

Нива театрально постучался.

– Кажется, никого.

– Я вас не задерживаю, господин Нива.

Осматривая тесную комнатку, Ивата отмечал для себя детали. Она находилась в глубине главного помещения и имела смежную дверь с кабинетом Нивы. Окно с задернутыми шторами выходило в проулок. Отодвинув занавеску, Ивата глянул вниз: разбросанный мусор, прошмыгнувший кот да неизвестно откуда взявшийся мегафон.

Прежде чем включить компьютер Канесиро, Ивата надел перчатку. Минут двадцать он изучал его почту, но не нашел ни намека на какой бы то ни было конфликт, не говоря уж о ключе к разгадке убийства. Он прочесал жесткий диск – только рабочие материалы. Ивата заблокировал компьютер. На семейном фото, стоявшем на столе, все четверо участников пикника улыбались в лучах заходящего солнца.

Прошу тебя, скажи.

Ивата поискал в ящиках стола, но и там ничего существенного найти не удалось. Однако на полу под крутящимся креслом остались потускневшие от времени кровавые кляксы.

Наверное, из носа. А может, не из носа?

На двери с внутренней стороны болтался на крючке плащ, карманы которого оказались пустыми. На стене висел небольшой календарь – сувенир из местного корейского ресторана. Просматривая его неделя за неделей, он не заметил в записях ничего необычного – назначен-

ные встречи, школьные собрания, семейные мероприятия. Он пролистал его почти до конца, когда увидел приклеенный к странице «4 января» листок:

Встреча с И.

Ивата вышел из кабинета, поблагодарил Ниву и покинул колл-центр. Он заглянул в ближайший круглосуточный магазинчик, купил пару рисовых шариков и банановый напиток. Потом сел в машину и, наскоро перекусив, позвонил Сакаи.

– Да? – В ее голосе слышалось нетерпение.

– Сакаи, это я. Был в офисе папаша. Возможно, это тупик, но я хочу, чтобы ты кое-что проверила.

– Минутку. – Было слышно, как она копается в сумке. – Продолжай.

– Четвертого января этого года Цунемаса Кане-сиро собирался встретиться с неким И.

– Это все?

– Кийота – неплохой кандидат на убийцу, но в этом заезде нам нужна вторая лошадка. Хатанака пусть занимается своим делом, обходит соседей. Если попадется имя или фамилия на «И», сразу звони мне.

Сакаи вздохнула:

– Что до Кийоты, пока не удалось его найти – он словно испарился. Но есть и хорошая новость. Он сидел по обвинениям в насильственных действиях, связанных с якудза. И не только: он имеет отношение также к «Ниппон Кумиай». Слыхал о них?

– Кажется, националистическая партия.

– Да. Похоже, этот Кийота из шкуры вон лез, лишь бы засветиться. Да, чуть не забыла. Один из строителей видел рядом с домом наутро после убийства какого-то мужчину. Вроде тот разговаривал сам с собой.

– Ладно, я понял. Еще одно. Добудь-ка допуск к счетам Канесиро с начала этого года. В деле об этом ни слова, и это странно. И чуть что подозрительное – сразу звони.

– Кажется, я говорила, что ты не придурок? Явно поторопилась.

– Встретимся в конторе через час.

Ивата отключился.

Он уже собрался отъехать, как в окно машины постучали. Он вздрогнул. Это был длинноволосый парень из колл-центра. Ивата опустил стекло.

– Да?

– Вы из полиции? Насчет Канесиро?

Ивата кивнул.

Парень осторожно оглянулся.

– Нива сказал, что в офисе не было никаких происшествий, так?

– А в чем дело?

– Была тут одна... Молоденькая. Не знаю ее имени. Но у нее был зуб на Канесиро. Она часами стояла перед офисом и кричала в мегафон какой-то бред: «Тараканы! Тараканы! Смерть тараканам!»

– Но почему?

– Она знала, что он кореец. Видимо, сдвиг на почве расизма. Столько в ней было злобы... Никогда такого не видел. Несколько раз вызывали полицию, она убегала, но потом возвращалась. И вот примерно месяц назад Нива приказал Канесиро выйти к ней и решить вопрос раз и навсегда. Тот пошел и вернулся с глубокой раной на руке.

– Говорите, молоденькая?

– Да, не больше восемнадцати. Скорее лет шестнадцать. Рост примерно метр пятьдесят. Красилась в блондинку.

– Ваше имя и телефон, пожалуйста. – Ивата вырвал листок из блокнота. – Я с вами свяжусь.

Парень быстро нацарапал что-то на листке, то и дело оглядываясь.

– Канесиро был хороший мужик. – С этими словами он отдал листок Ивате и ушел.

Глава 4

Ирисы

В половине четвертого Ивата припарковался у старого Олимпийского стадиона и направился к главному корпусу Университета Комадзава. У входа стояла датированная 1590 годом старинная каменная плита с высеченными на ней названием университета и девизом:

ИСИТНА. ЧЕСТНОСТЬ. УВАЖЕНИЕ. ЛЮБОВЬ

На спортивной площадке тренировалась команда регбистов; на груди у игроков красовалась эмблема университета – сорока.

Один – горе.

У стойки регистрации Ивата объяснил, что он расследует убийство госпожи Такако Канесиро. Девушка немедленно вызвала начальника хозяйственной службы. Не прошло и минуты, как явился пожилой толстячок в униформе. Когда Ивата предъявил свой значок, тот низко поклонился:

– Я завхоз, чем могу вам помочь?

– Госпожа Канесиро работала под вашим началом?

– Так точно, она была уборщицей. В основном на факультетах радиологии и делового администрирования.

– У нее было рабочее место?

– Нет, не было. Только шкафчик.

– Покажите, пожалуйста.

Толстяк повел Ивату по длинному, сверкающему чистотой коридору, затем вниз по лестнице к раздевалкам для персонала. Зайдя в тускло освещенную комнату, он указал на шкафчик у дальней стены, на полу перед которым лежал ворох увядших цветов.

Два – балаган.

На дверце висел увесистый замок, раза в два больше прочих.

– У нее были неприятности на работе?

– Нет, что вы. Она была идеальной сотрудницей. Не опаздывала, не болела. Прекрасный работник и чудесный человек... Это просто кошмар какой-то.

– Простите, но, если у нее не было проблем, почему на шкафчике такой большой замок?

– Видите ли... Был один случай в начале года. Такако пожаловалась, что кто-то влез в ее шкафчик.

У них над головой вздрогнул и загудел насос.

– Что было украдено?

– Это самое странное: только ее униформа. Но это бессмысленно, форму выдает университет. Обычная дешевая форма. Ее регулярно меняют.

– Как по-вашему, у нее были враги?

– Всегда такая тихая... Не представляю, чтобы у нее были враги. Кто мог желать ей зла?

– У вас есть ключ от замка?

– Да, конечно.

Он поискал в связке ключей нужный и отдал Ива-те. Раздался скрип, и замок открылся. Шкафчик был пуст.

Три – девчонка.

Четыре – пацан.

– Значит, госпожу Канесиро обворовали в начале года?

– Именно так.

– Не подскажете точную дату?

– Все записи у меня в кабинете.

Он повел Ивату по неосвещенному и пропахшему моющими средствами коридору, в темных закоулках которого, казалось, кто-то прячется. Кабинет завхоза кое-как вмещал стол, стул и стеллажи со скоросшивателями. Толстяк с кряхтением дотянулся до нужной папки.

– Вот он.

Он открепил файл, датированный январем 2011 года.

*ЖАЛОБА ТАКАКО КАНЕСИРО
О ВЗЛОМЕ ШКАФЧИКА*

Ивата записал дату.

– Полицию вызывали?

– Нет. Решили уладить все на месте.

– Вора нашли?

– Уволили молодую иранку, которая проработала здесь недолго.

– Она созналась в краже?

Завхоз нервно хохотнул:

– Видите ли, процедура была скорее... неформальной.

– А работу она потеряла тоже неформально?

– Несколько ее сослуживиц дали показания о ее ненадежности. Сама женщина не стала возражать.

Ивата кивнул:

– Иранская иммигрантка вряд ли отважилась бы. Менеджер побледнел как полотно:

– Инспектор, я вас уверяю...

Ивата только отмахнулся:

– Как ее зовут?

– Саман Гилани. Правда, я не уверен в произношении.

Ивата провел пальцем по странице, стараясь запомнить иероглифы.

– У вас работают люди с криминальным прошлым?

Толстяк задумался:

– Вполне возможно. Но я имею дело только с неквалифицированным персоналом, как видите. Теперь такие проверки не проводятся. К тому же все они работают у нас внештатно.

– Что ж, ясно. Благодарю за помощь.

Завхоз поклонился и проводил его до двери. Ива-та шел по коридору один. Никакого шуршания он не слышал, зато завывание насосов и свист пара усилились. Дойдя до лестницы, Ивата набрал номер Сакаи.

– Что еще? – рявкнула она.

– Слушай, в гонке новые лошадки. Ты в конторе?

– Да. Давай имена.

– Во-первых, Саман Гилани. Но надежды мало. – Он продиктовал имя по буквам. Сакаи молчала.

Пять – серебро.

– Итак, она иранка. Депортирована около двух недель назад. Сюда приехала в девятых по соглашению о трудовых мигрантах, обратно не возвращалась. Ребенок от гражданина Японии. Похоже, малыш на попечении государства. Но как она связана с делом?

– Никак. А теперь проверь в общей базе, есть ли среди сотрудников Университета Комад-зава люди с судимостью.

Ивата услышал перестук клавиш. Сакаи прищелкнула языком:

– Два попадания. Один был судим за неуплату налогов. С тех пор за ним значатся только штрафы за парковку. И некий Масахару Идзава. Тут целый букет: сексуальные домогательства,

подглядывания в женских туалетах, кража нижнего белья. Адрес за последние три года не значится.

Шесть – золото.

Ивата уже был на полпути к кабинету хозяйственника. Он распахнул дверь настежь, так что толстяк вздрогнул от неожиданности.

– Масахару Идзава работает у вас?

– Д-да.

– Адрес!

– Хорошо, но...

– Я сказал, адрес.

Тот вытащил из папки единственный листок и протянул Ивате. На нем значился адрес Идзавы, номер его страховки и график работы. Ивата поднял глаза на завхоза.

– Сейчас его смена?

Мужчина кивнул, встревоженно моргая.

– Проводите меня к нему.

Давно толстяку не приходилось так быстро двигаться. Сзади спешил Ивата, чертыхаясь себе под нос. Они неслись по каким-то помещениям, по газонам, пока завхоз не указал пальцем на молодого человека, который склонился над чем-то в тени деревьев. Масахару Идзава в уединении окучивал куст ирисов.

Заметив их, он поднялся на ноги. Это был невысокий парень с какой-то девчачьей челкой, падавшей на один глаз. Униформа висела на нем, словно мальчишка нарядился в большую по размеру отцовскую одежду. С пухлыми губами, мелкими зубами и курносый, он выглядел подростком, которого заставляют трудиться. Ивата взмахом руки отпустил завхоза.

– Господин Идзава!

– Вы кто? – спросил тот тихим, но напряженным голосом.

Вместо ответа Ивата показал ему полицейский значок, и парень быстро опустил взгляд:

– А...

Ивата стоял в трех шагах. На миг он отвел от парня взгляд, чтобы убрать значок, но успел заметить, как тот резко сунул руку в карман.

– Эй, ты чего...

В ответ ему в лицо полетел ком грязи. Ивата пошатнулся, отряхивая землю с глаз. И тут Идзава с криком обрушил ему на голову мотыгу.

– А, черт!!!

Парень удирал изо всех сил, но было ясно, что далеко ему не уйти. Он волочил ногу и отчаянно хромотал. Ивата уже вскочил на ноги и – ругаясь, с кровавой раной на голове – бросился догонять беглеца-неудачника.

– А ну, стой!

Идзава обернулся, в его глазах отразилось отчаяние. *Семь – секрет.*

Ивата навалился на него всем телом.

Восемь – ничего нет.

*

Ивата сидел напротив кабинета для допросов на седьмом этаже полицейского управления Сэтагаи и прижимал к ране марлевый тампон. Через зеркальную стену он наблюдал за Идзавой, сидевшим за металлическим столом.

– Пора бы сменить повязку. – Сакаи под села к Ивате, протягивая ему стаканчик кофе из автомата.

– Я в порядке. Горячий кофе представляет сейчас гораздо большую опасность, чем рана.

– Арест и травма, нанесенная мотыгой, да за один день – это рекорд.

– Шла бы ты домой, Сакаи.

Она тихо рассмеялась и отпила кофе.

– А у меня для тебя прекрасные новости.

– Да ладно.

– Похоже, ты мне не веришь.

Ивата откинул голову назад и, опершись на стену, прикрыл глаза.

– Это профессиональное. Ты нашла Кийоту?

– Нет. Зато занялась календарем. Похоже, мы нашли загадочного И. Есть один кадр по имени Идзири – местный ростовщик.

– Он ссужал деньги Канесиро?

– Он не стал с нами разговаривать. Так что я арестовала его за отказ от сотрудничества.

Сакаи протянула руку в сторону второй комнаты для допросов. Крупный бородатый мужчина в красном костюме, нервно куря, мерил шагами комнату.

– Какой красавец.

– Люблю стильных мужиков. Ну, погнали?

Ивата застонал. Сакаи бросила свой стаканчик в корзину для мусора. Она встала, кивнула охраннику, и дверь открылась. Ивата глядел, как она входит в комнату. Ее белая блузка смотрелась неуместно в замызганном помещении. Он увидел лицо Идзири, которое при виде женщины исказила ухмылка.

– Тебя ждет большой сюрприз, – тихо произнес Ивата.

Он снова закрыл глаза, ожидая, пока уймется пульсирующая боль в голове. Потом посмотрел в стаканчик с кофе и увидел свое лицо в черном круге.

– Тьфу ты.

Он швырнул стаканчик вместе с желто-алым тампоном в корзину и кивнул охраннику. Когда он входил в допросную, ему в лицо ударил жар. Идзава даже не поднял головы. Он сидел, обхватив себя за плечи, слегка раскачиваясь на стуле, – грустный мим за решеткой.

Ивата включил диктофон, произнес свое имя, дату и имя допрашиваемого. Сел напротив Идзавы и положил руки на стол. Оба молчали. Идзава жевал губу – это был единственный звук, нарушавший тишину.

– Кофе?

Парень помотал головой.

– Сигарету?

Тот снова помотал головой.

– Что ж, господин Идзава, я задам вам несколько вопросов и прошу вас, говорите правду. Это очень важно, вы понимаете?

Идзава не поднимал глаз.

– Понимаю.

Ивата кивнул:

– Вот и хорошо. Итак, во-первых, потрудитесь объяснить, почему вы от меня убегали. Вы запаниковали?

Идзава посмотрел на него:

– Не знаю.

– Вы же видели значок.

– Я не видел. Я испугался.

– Почему?

– Не знаю.

Ивата откинулся на стуле и потер переносицу.

– У вас в прошлом были неприятности с законом, верно?

Идзава моргнул и шумно задышал носом с видом обиженного подростка:

– Д-да. Но я...

– Идзава, вы убегали, потому что решили, что я пришел вас арестовать.

– Я ничего не сделал.

В голове у Иваты пульсировала боль.

– Вы ведь знали Такако Канесиро?

Идзава отвернулся, словно ему под нос сунули гнилой фрукт.

– Все ее знали.

– И вы знаете, что с ней случилось.

Кивок.

– И несмотря на это, увидев полицейского, вы решили, что пришли за вами.

Молчание.

– Идзава, вы должны понимать, что все это неважно выглядит.

Тот пожал плечами.

– Скажите, завхоз знает о вашем прошлом?

Парень закусил губу и яростно замотал головой.

– Ладно, давайте о другом. Вы знали иранку, Саман Гилани?

– Да нет.

– А ведь у нее был ребенок.

Взгляд в сторону.

– Она потеряла работу. И как безработную ее депортировали. А ее ребенок остался здесь, под опекой. Представьте, каково ребенку расти без матери. Хорошо это, по-вашему?

Идзава раскачивался на стуле все сильнее.

Ивата резко ударил ладонью по столу.

– Отвечайте, Идзава. Вы понимаете, что вы причинили вред этому ребенку? За что иранка лишилась работы?

– Не знаю.

– Не лгите мне! Не лгите. Говорите за что.

– За кражу.

– Так, значит... – Ивата снова откинулся на спинку стула и стал смотреть на лопасти вентилятора, словно карусель разгонявшего жаркий воздух. Он подавил в себе гнев. – Значит, за кражу.

– Отпустите меня!

– Идзава, вы сбежали потому, что это вы взломали шкафчик Такако. Признавайтесь! Вы украли ее трусы, так? Вот почему вы убегали. Говорите правду!

Идзава закрыл глаза, его губы были влажные, он трясся всем телом.

– Говорите, Масахару, и с вас снимут все подозрения. Признайте свою вину за судьбу несчастной иранки и ее ребенка. Признайте, что вы украли одежду Такако. Ну же, это были вы?

Робкий, детский кивок.

– Теперь скажите, почему вы это сделали. Зачем вам ее трусы? Чтобы дрончить на них?

Идзава поднял голову, его лицо пылало.

– Нет! – хрипло вскрикнул он.

– Тогда зачем?

– Я... просто хотел иметь что-то от нее. Но она такая аккуратная, никогда ничего не забывает, она не такая, как другие.

– Другие твои зазнобы?

– Нет!

– Она была не просто зазноба, не так ли? Масахару, не лгите мне. Вы любили ее, так? Вы любили Такако.

Идзава снова отвернулся, на лице – маска боли.

– Поэтому ты и убил ее, так? Тебе было мало нюхать ее трусики. Ты хотел воплотить свои фантазии. Но обломался, верно? Она отвергла тебя, мелкого уродца, и отказ распалил тебя. И ты решил отомстить ей и ее семье. Поэтому ты так усердно поработал над ее мужем?

Идзава вскочил на ноги, он рыдал.

– Нет! – взвизгнул он. – Нет!

– Сядь.

Идзава подчинился. Его лицо перекосила гримаса.

– Где ты был с 14 на 15 февраля?

– На работе, потом дома... Я не помню.

– Не помнишь, что было несколько дней назад? Масахару, есть свидетели, которые видели на месте преступления хромого мужчину – вроде тебя. У тебя был мотив, у тебя нет алиби, мы уверены, что если проведем у тебя обыск, то найдем улики, доказывающие твои преступные действия против одной из жертв. Я могу сейчас выйти отсюда и просто умыть руки. Как думаешь, что с тобой тогда будет?

Ивата расслабил галстук и потянул за другой конец вверх, изображая висельника. Идзава смотрел на него, трясаясь от страха.

– Я ни за что не тронул бы ее. Я бы никого не тронул.

– И меня не трогал, да? – Он наклонился к Ид-заве, чтобы тот увидел рану. – Нападение на полицейского, парень. Бегство от полицейского. Вещи убитой в твоей квартире.

Идзава тихо плакал, опустив безвольные, словно увядшие стебли, руки.

– Я ее не трогал...

– Если ты не убивал ее, то что ты делал? – Ива-та наклонился ближе и погладил Идзаву по вспотевшим волосам. Тот закрыл глаза, то ли из благодарности, то ли от отвращения.

– Масахару, – прошептал Ивата. – Просто скажи мне, что ты делал?

– Я фотографировал. О боже. Я ее фотографировал.

– Где? Где, Масахару?

– В университете... Иногда в спортзале... И рядом с домом.

Ивата сел прямо и посмотрел на часы.

– Ты не убивал ее? И не трогал ее родных?

Идзава опустился на колени, у него по шее струился пот.

– Нет, нет, что вы! Я бы никогда не обидел Такако. Ивата выключил диктофон.

– Ладно, Масахару. У меня еще есть к тебе вопросы, и ты обязательно ответишь за свои проступки, – сказал он, указывая на свою голову. – Но пока ты свободен.

Все еще стоя на коленях, Идзава без конца шептал имя Такако и не переставая плакал.

– Похоже, тебе сегодня повезло, – сказал Ивата, поднимаясь.

Глава 5

Город тысячи городов

Сакаи стояла снаружи и курила, любуясь темнеющим горизонтом. Ивата вышел из главного подъезда и направился на ее огонек. Она проследила за ним взглядом, потом снова обратила глаза к бледной луне.

- Выглядишь ужасно, босс.
- У тебя острый глаз, Сакаи.
- Ты повторяешься. Пацан запел?
- Заливался соловьем. Но он не убийца. А что с Идзири?
- Он не впервые попал в полицию. Но я прижала его по полной.
- Ну, в этом я не сомневаюсь. Уверен, его впечатлили твои мягкие манеры.

Она улыбнулась, выпустила колечко дыма и протянула пачку Ивате. Тот прикурил от ее сигареты. Дым от их сигарет, смешавшись, исчез в темном небе.

– Он говорит, что знал эту семью и что отец даже пару раз интересовался условиями сделки, но в результате он не ссудил им ни иены.

– И ты поверила?

– Пришлось. Он ведет строгий учет, который готов представить, если мы придем с разрешением. Кстати, доступ к счету Канесиро я получила. Оказалось, 5 января он положил на депозит полтора миллиона иен.

– В день встречи с И. Интересно.

– Целая куча денег. Может, машину продал?

– Возможно.

– Во всяком случае, достаточно, чтобы оплачивать услуги строительной компании еще несколько месяцев.

– Достаточно, чтобы кто-то прикончил всю семью?

Сакаи пожала плечами и затушила сигарету.

– Пошли. Я отвезу тебя домой, – сказал Ивата, бросив сигарету.

– Ты вести-то в состоянии?

– Гонку не выиграю, но доставлю в целости.

– Тогда едем в Нисиадзабу.

Ивата сел за руль и уверенно повел машину в восточном направлении, следуя указателям городской трассы № 3.

– Кстати, – сказала Сакаи, откинув спинку сиденья. – У меня был разговор с Синдо. Он потребовал отчет – кто-то из управления напелел ему о нас. Он остался доволен.

– Синдо? Доволен?

– Это значит, что он *не* лопался от злости. Сказал, завтра ты можешь получить свой постоянный значок и табельное оружие. Похоже, он не спешит от тебя избавиться.

– Да я кровь пролил за эту побрякушку!

Сакаи устало рассмеялась:

– Получил от малыша совочком по башке.

Она закрыла глаза, и Ивата включил радио; с обоих сегодня хватило разговоров.

Прошло уже больше недели со дня смерти молодой актрисы Мины Фонг, но случившееся все еще покрыто тайной. Стали известны лишь некоторые подробности; очевидно, что агентство, занимавшееся ее карьерой, настояло на охране частной жизни ее родных. Желтая пресса, однако, полнится слухами о передозировке наркотиков и о предполагаемом расторжении контракта с продюсерской компанией на исполнение роли в популярном сериале «Поколе-

ние Черри». Ее бывший друг, поп-звезда Рики Нода, назвал смерть Мины «шоком и трагедией». Тело актрисы будет кремировано и захоронено на католическом кладбище Футю в пятницу.

Далее в новостях сообщалось о все более вероятной отставке премьер-министра и необычайно холодной погоде.

– Послушай, а кто ведет дело Мины Фонг?

– Морото.

– Он вожак стаи, да?

– Можно и так сказать. Он метит на место Акаси. Начальство его обожает.

Несмотря на позднее время, они постоянно попадали в пробки. Развязки и перекрестки казались щупальцами серого осьминога, освещаемыми белыми и красными огнями. По обе стороны шоссе поблескивали стеклянные бока призрачных бетонных зданий. Бесконечные рекламные щиты, бесконечные окна и пожарные лестницы. Бесконечный Токио.

– Я слышала одно выражение о нашем городе, – произнесла Сакаи. – «Токио – город тысячи городов».

– Ага.

– Как думаешь, может, просто одни из них хорошие, а другие – плохие?

– Возможно, Сакаи. У меня к тебе один вопрос.

– Угу.

– Что случилось с инспектором Акаси?

Сакаи открыла глаза и напряженно посмотрела на него.

– Акаси спрыгнул с Радужного моста⁶. Что тут сказать?

– Ты хорошо его знала? Она отвернулась к окну.

– Просто знала, и все.

Он взглянул на нее.

– Что?

– Да ничего.

– А что ты так на меня смотришь?

– Я не смотрю.

– Почему тебя так интересует Акаси?

– Есть у меня чувство, что он увидел там что-то такое, чего мы не заметили.

– Но об этом была бы запись в деле, разве нет?

Ивата молча проехал улицу Гайен-ниси-дори и свернул налево, не въезжая в квартал Нисиадзабу. Они миновали несколько посольств стран, где правят диктаторы и закон джунглей. Улицы пестрели маленькими барами и киосками с лапшой на три столика. Люди уже выстроились в очередь перед ночными клубами, проститутки закурили призывные сигареты, перед рестораном, оформленным в стилистике Тарантино, толпились туристы.

Ивата остановил машину перед многоэтажкой белого цвета. Она больше походила на недорогой курортный отель, чем на место обитания Сакаи. С другой стороны, представить себе, где она живет, было все равно что попытаться вообразить жилище инопланетянки. Она вышла из машины, потом обернулась и посмотрела на него. Шелестел дождь, и в воде отражались разноцветные огни. Они попрощались скупой, словно за день не случилось ничего особенного.

– Поезжай выпись, инспектор, – сказала Сакаи.

И ушла, постукивая измазанными грязью каблуками.

Я счастлива с тобой.

Прошу тебя, скажи мне слова любви.

---

⁶ Радужный мост – висячий мост через северный Токийский залив, знаменитый радужной ночной подсветкой.

*

Ивате снова приснился тот кошмар, где он падает. Он оставил на ночь окно открытым, и в комнату ворвался дождевой вихрь. В это утро свинцовое небо нависало еще ниже. Боль в голове больше не трубила сигнал тревоги, но, вставая с постели, он все же стиснул зубы. Подойдя к зеркалу, он раздвинул пальцами волосы, чтобы взглянуть на вчерашнюю рану, – и заметил у себя седину.

В его мысли ворвалась Клео, так что он споткнулся и схватился руками за раковину.

Она запустила пальцы ему в волосы, слегка впиваясь ногтями в кожу.

– Какие у тебя густые волосы...

Ивата хлестнул себя по щеке, сплюнул, задышал ровнее. Затем достал из полупустого шкафа белую сорочку и серый костюм. Одевшись, заварил себе кофе покрепче и проглядел утреннюю газету в поисках новостей об убийстве семьи Канесиро. Первая полоса была полностью посвящена вызывающим высказываниям премьер-министра и смерти Мины Фонг. В криминальной рубрике Ивата все же нашел небольшую статью, где говорилось об интересующем его убийстве в общих чертах. Упоминалось лишь имя отца, возраст детей был указан неверно. И ни слова о жестокости преступления или необходимости безотлагательного расследования; лишь скрупулезное перечисление фактов, словно речь шла не о гибели семьи, а о ценах на тунца. Ивата закрыл газету, и тут зазвонил телефон.

– Инспектор, это доктор Игути.

Ивата взглянул на часы: 8:32.

– Ах да, спасибо, что позвонили, доктор.

– Анализы крови, мочи и содержимого желудков всех четверых в норме, никаких отклонений. Но знаете, чья кровь обнаружена на лице отца? Индюшачья.

– Индюшачья?

– Представьте себе!

– Похоже, вы заинтригованы, доктор.

– Вот ведь странно, да?

– Что-нибудь еще?

– Да. Все жертвы вдыхали какой-то дым, возможно благовония.

– Интересно.

– Да, и черная субстанция на пальцах отца. Это самый обыкновенный древесный уголь. Проверьте, что скажут ваши криминалисты, но я почти уверена, что на потолке на месте преступления также следы сажи.

– Благодарю вас, доктор.

– Инспектор, еще одна деталь. Я прямо не знаю, что думать. На левом предплечье у отца след рассеченной раны, примерно три сантиметра. На момент убийства она уже затянулась.

– На этот вопрос я, пожалуй, могу ответить. Коллега Канесиро рассказал мне, что его преследовала какая-то девушка. Недели три назад между ними произошла стычка – и он вернулся в офис с порезом.

– Ну хоть это объяснилось. Рана нанесена не более трех недель назад и далеко не с такой яростной силой, как остальные. Но это странно. На него напали, но в полицию он не обратился. Разве это не подозрительно, инспектор?

– Нет, если в полиции к вам относятся как к грязи на своем башмаке.

– Хм. Что ж, тогда, пожалуй, у меня все.

– Спасибо, вы нам очень помогли.

– Ага. Ну, удачи! – бодро ответила Игути.

Ивата повесил трубку и выбежал на улицу. «Тойота» стояла в закутке позади его дома. Он завел машину, одновременно набирая номер Сакаи.

– Ивата. Ты еще жив!

– И тебе доброго утра.

– О, каждый день в токийском управлении – истинное счастье.

Ивата рассказал ей о благовониях, индюшачьей крови и саже.

– Ясно, – фыркнула она. – Пикассо полный шизик.

– Это не все, Сакаи. На руке у отца порез трехнедельной давности.

– О, черт. Думаешь, это был он? А?

– Доктор считает иначе. К тому же коллега Кане-сиро рассказал, что его преследовала какая-то девушка, возможно настроенная против корейцев вообще. Недели три назад она напала на него. Надо этим заняться.

Сакаи горько усмехнулась:

– Великан и дюймовочка. Ну и хреновая работка. Кстати, пришли данные обо всех, кто был на парковке возле дома Канесиро. Ничего интересного, все как один приличные люди с алиби. Но я тебя обрадую: сегодня я говорила с более или менее вменяемым банкиром. Он рассказал, что Цунемаса Канесиро интересовался расценками на услуги различных юридических фирм. И один из лучших юристов Токио по вопросам недвижимости даже выставил ему счет.

– Значит, у Канесиро были деньги.

– Утром я позвонила этому юристу, и он не выразил желания с нами общаться. Но все же бросил мне кость.

– Цунемаса не желал продавать дом «Вивусу»?

– Угадал!

– Отлично, Сакаи. Я уже еду.

Мельканье дворников вызвало у Иваты мигрень; красный свет светофоров раздражал его. В результате путь до управления занял значительно больше времени, чем обычно.

На подземной парковке охранник отметил его временный пропуск и открыл служебный вход. Ивата очутился в узком коридоре с ярко-голубыми стенами, увешанными пожелтевшими информационными бюллетенями типа «Внимание! Их разыскивает полиция» с фотографиями и описаниями преступников. Ивата не задержался в этом тоннеле. Мимо лифтов, туалетов и раздевалок, не оборачиваясь на доносившийся оттуда похабный смех, он шел на звуки музыки Бетховена. В конце коридора находился оружейный склад. Седовласый мужчина за пуленепробиваемой перегородкой оторвал глаза от газеты:

– Вы Ивата?

– Так точно. Седьмая симфония?

По лицу старика расплылась улыбка.

– Вот культурный человек. Меня зовут Наката. Один момент.

Старик отправился в хранилище. Вернувшись, открыл пакет и выложил на стол удостоверение в черной коже, наручники, кобуру и небольшой пистолет, «ЗИГ Зауэр Р23». Ивата надел кобуру и взвесил в ладони свое оружие.

– Семизарядный, – сказал Наката. – И размер подходящий.

– Теперь я точно готов к нападению садовника.

Ивата сунул пистолет в кобуру и прикрыл свитером. Теперь у него был собственный перст божий, но пока он ощущал лишь приятную тяжесть у бедра.

– Уже стрелял в кого-нибудь?

– Только в тире.

– Кстати, инспектор. Судя по вашему акценту, вы тоже из Киото?

– Из Миямы. Деревушка под Киото.

– Красиво там? Рыбалка есть?

Ивате вспомнились комнаты с двухъярусными кроватями, заброшенные поля, вороны на столбах ЛЭП. И черное озеро, что прячется в лесной чаще.

– Я... я давно там не был.

Наката вежливо улыбнулся и кивнул, глядя на выпуклость под свитером Иваты.

– Если начнет капризничать – обращайся ко мне.

– Спасибо, непременно.

– И вот еще что. Не дай местной кодле тебя сломать.

Ивата улыбнулся и отвесил поклон. Наката вернулся к своей газете и своему Бетховену, а Ивата пошел к лифту и нажал кнопку вызова. Пока ждал, рассматривал свое удостоверение. На правой внутренней стороне значилось его имя, звание и фотография. На другой поблескивал полицейский значок с серебристой эмблемой, окантованной золотом, и двумя золотыми плашками по бокам. Знаменитый символ Центрального токийского полицейского управления. Символ справедливости. Когда приехала кабина, до его слуха донеслись звуки перебранки из раздевалки внизу.

Городские огни, как прекрасны они.

Среди хора голосов отчетливо слышалась партия Сакаи. Не раздумывая, Ивата бросился по коридору и настежь распахнул дверь раздевалки, в которой висел тяжелый запах пота и мочи. Сакаи стояла в окружении Хорибе и остальных прихвостней Морото. Сам Морото высоко над головой держал спортивную сумку девушки, ее лицо было красным от гнева.

Ивата шагнул внутрь:

– Верни сумку.

– А тебе-то что надо, Микки-Маус? – Морото улыбнулся; его натянутый резкий голос словно мячик отскакивал от стен комнаты.

Ивата сделал еще шаг:

– Верни ей сумку.

Морото, изображая детскую обиду, оглянулся на своих дружков.

– Мисс Сакаи развлекается с коллегами, старик. Лучше б ты свинтил кого-нибудь, а?

– Ивата, не надо! – умоляющим голосом сказала Сакаи.

Теперь Ивата стоял вплотную к Морото.

– Верни ей сумку. Последний раз повторяю.

Морото изобразил ужас. Остальные ухмылялись.

– Ой-ой-ой, последний раз! Да еще с интеллигентным киотским акцентом. Знаешь, что мне в тебе нравится, янки?

Ивата ударил его в живот. Морото согнулся пополам – глаза вот-вот выскочат из орбит, рот открыт и хватает воздух. Ивата вырвал у него сумку и тем же движением с силой толкнул его на пол. Теперь Ивату окружало трое: Тацуно, Ёси и Хорибе. Они не знали, что им делать. Первым очнулся и кинулся было на защиту вожака Хорибе. Но Ивата взглянул ему в глаза, и тот ступешался. Ивата передал сумку Сакаи, одновременно присаживаясь на корточки рядом с Морото. Тот часто дышал.

– Слушай внимательно, Морото. Чтобы больше и близко к ней не подходил. Надеюсь, ты усек. – В манере Иваты не было никакой театральности.

Морото с отвращением закашлялся, все еще держась за живот.

– Да ты не знаешь... кого ты решил нагнуть...

Ивата похлопал его по голове; едва отросшие волосы покалывали ему пальцы. Он ответил:

– Прекрасно знаю, Морото. Тебя, урод.

Он постоял, внимательно глядя на молодцов Морото. Потом вышел из раздевалки, Сакаи – прямо за ним. На двенадцатый этаж они спускались в молчании. Когда двери лифта открылись, перед ними возникла знакомая картина: какофония голосов, орущих в телефоны, жел-

тушный свет, сигаретный дым, стелющийся по низкому потолку. Сакаи остановилась перед входом в туалет.

– Ивата!

– Да?

– Не надо было этого делать.

– Ты хотела сказать «спасибо»?

Она вздохнула и вошла внутрь. Ивата пересек всю комнату и вошел в кабинет Синдо. Тот сидел, уставясь в серое зеркало окна с недовольной гримасой на лице.

– Входите, инспектор.

Ивата убрал со стула пачку бумаг и сел.

– Слушай, мальчик мой, я только что разговаривал с шефом управления. Он сказал, что ростовщика отпустили, а этого кадра Идзаву еще держат. Что скажешь-то?

– Не думаю, что Идзири имеет какое-то отношение к делу – да и алиби у него железобетонное. А вот Идзава совершил как минимум несколько нарушений. Алиби как такового нет, зато есть неясный мотив и сомнительная репутация. Но семью Канесиро он не убивал, в этом я уверен.

– Как насчет хромого на месте убийства?

– Хромота по большому счету ничего не доказывает. У парня просто физически нет столько сил, чтобы расправиться подобным образом с целой семьей. А даже если б были, уж точно не хватило бы мозгов, чтобы не оставить после себя ни единой улики.

– Ясно. Мы можем держать его, не предъявляя обвинений, еще двадцать двое суток. На всякий случай предлагаю воспользоваться этим правом.

– Никаких возражений.

Вошла Сакаи и склонилась в поклоне. Она была в ярко-синем брючном костюме и бледно-голубой блузке, а волосы собрала в небрежный хвост.

– Садись, Сакаи. Твой напарник только что поведал мне, что ростовщик и Идзава невинны как младенцы, несмотря на разные интересные подробности. Согласна?

– Да, согласна.

– Есть у нас еще ангелочки?

Ивата кивнул:

– Сослуживец Цунемасы Канесиро рассказал, что его преследовала у офиса какая-то девица – кричала в мегафон непристойности и все в таком роде. Несколько недель назад у них случилась стычка, и бедняга вернулся в контору с порезом. Это объясняет затянувшийся шрам. Но описание девушки у нас туманное. Я бы хотел поручить ее поиски офицеру Хатанаке.

– Этот коротышка из Сэтагаи, который у тебя на посылках?

– Да, он.

Синдо пожал плечами:

– И вы оба считаете, что нужно разыскать Кийоту, так?

Сакаи кивнула.

– Пока поиск не дал результатов. Правда, вчера я позвонила в Бюро гражданской авиации и описала нашего подозреваемого – высокий мужчина, 43-й размер ноги, одиночка, возможно, хромает. Так он ответил, учитывая временной интервал в два-три дня, нам придется отследить примерно семьдесят пять рейсов от Сеула до Бангкока.

Синдо присвистнул:

– Ладно, Ивата, ваши дальнейшие шаги?

– Люди из Сэтагайского управления прочесывают район вокруг дома. Я считаю, пусть продолжают. А вот первый отдел нужно бросить на поиски Кийоты. Он связан с «Ниппон Кумиай», оттуда и начнем. Если кто и знает, где он, это они. Мое мнение – младший инспектор Сакаи идеально подходит для этой задачи.

Сакаи с удивлением уставилась на него:

– Но...

Синдо жестом приказал ей замолчать.

– А ты, Ивата?

– Я поеду в Университет Киото. У меня там старый друг, специалист по символике.

– И зачем? – спросил Синдо, потирая подбородок.

– Это ритуальные убийства. Знак, который оставил в доме Канесиро убийца, подтверждает это.

– Здесь вам не Голливуд, инспектор. Я вам говорил, наши ресурсы ограничены.

– Утром я беседовал с коронером. Все тела перемазаны индюшачьей кровью, в легких обнаружены следы дыма, на потолке изображен символ, у отца вынуто сердце – все это признаки ритуального убийцы. А возможно, и серийного. Чем раньше мы поймем его мотив – принцип выбора жертв, – тем быстрее выследим его. Признаюсь, мне следовало бы сразу заняться расшифровкой символа.

Синдо посмотрел в окно и потер нос, видимо сломанный еще в юности.

– Завтра утром чтоб как штык здесь. И никаких допросов.

– Спасибо.

– Сакаи, возьми с собой обе униформы. И обязательно надень для этих сволочей синюю.

– Слушаюсь. – Ее голос дрогнул.

Они вышли из кабинета шефа. Морото с друзьями нигде не было видно. Они снова прошли через огромный общий офис и вызвали лифт. Как только двери за ними закрылись, она повернулась к нему на каблуках и зашипела:

– Таскаться по притонам ты мог послать любого придурка. Что, один день и все, пошла ты лесом? Разве я не сделала все, что могла?!

– Конечно, сделала. Но придурки упускают детали. А у тебя и глаз наметан, и язык острый. Именно это мне и нужно для поисков Кийоты.

– Чушь собачья.

Она протянула ладонь, и он отдал ей ключи. На парковке она молча направилась к «той-оте». Ивата поднялся по лестнице, вышел на улицу и потащился к подземке.

Глава 6

Влюбленные слепы

Штаб-квартира «Ниппон Кумиай» располагалась в районе Такаданобаба, в неприметном трехэтажном здании в глубине улицы. С виду то ли турагентство, то ли языковая школа. Сакаи велела двум офицерам дожидаться ее снаружи. Она показала значок молодому человеку у стойки и направилась в офис, не обращая внимания на его протесты. Она стукнула в дверь и вошла в кабинет, стены которого были увешаны черно-белыми фотографиями в рамках. Пахло сигарным дымом, мужским одеколоном и потом. Невысокий человек лет пятидесяти с гладко зачесанными волосами восседал за чересчур массивным для него столом. Очки на его приветливом, круглом, как луна, лице смотрелись мелко.

– Да?

В его голосе сквозило приятное удивление при виде молодой женщины. Когда Сакаи показала ему удостоверение, выражение его лица не изменилось.

– Младший инспектор Сакаи. Первый отдел.

– Я Горо Онага. Присаживайтесь.

На столе Онаги стояли подписанные фотоснимки Жан-Мари Ле Пена и Саддама Хусейна – лицом к посетителю. Еще на одной сам Онага по-дружески обнимал бывшего министра без-опасности. Над его головой висел огромный портрет мужественного красавца Юкио Мисимы, глядевшего прямо на любого входящего в кабинет. Он был изображен с руками скрещенными на груди, а ниже приводилась одна из его мрачных, загадочных фраз:

**ТЫ МОЖЕШЬ ДОСТИЧЬ ИСТИННОЙ
ЧИСТОТЫ, ЛИШЬ ЕСЛИ ПРЕВРАТИШЬ
СВОЮ ЖИЗНЬ В ПРЕКРАСНУЮ СТРОФУ, ПИСАННУЮ КРОВЬЮ**

– Первый отдел?

– Отдел убийств, господин Онага.

Он наигранно вытаращил глаза и откинулся на спинку стула.

– Чем же я могу вам помочь, младший инспектор? Сакаи обвела жестом кабинет:

– Чем вы тут занимаетесь?

– «Ниппон Кумиай» хранит исконный характер нации.

– Понятно.

Ее взгляд остановился на длинной напольной вешалке, на которой висели майки и ветровки разных размеров – и на всех красовалась эмблема «Ниппон Кумиай».

– Вы пришли, чтобы спросить меня об этом?

– Думаю, вы знаете ответ на свой вопрос, господин Онага. Мне просто любопытно... что у вас за организация. А то много чего болтают.

Он наклонился вперед; его физиономия сияла от восторга.

– А можно спросить, что именно?

– Что вы стремитесь оправдать участие Японии во Второй мировой. И отрицаете ее военные преступления.

– Что я отрицаю, так это ненависть к себе. Я отрицаю самобичевание, которым грузят в школе наших детей. Я отрицаю Конституцию, навязанную нам Америкой. Мягкотелость и отсутствие патриотизма у нашей молодежи. И я не единственный, кто ставит под вопрос «обще-принятые» представления о нашей истории.

– Понятно.

– Кажется, вы мне не верите, инспектор.

– Профессиональная болезнь.

Онага рассмеялся, но в его глазах мелькнула обида на ее колкость.

– Зайдите в любой книжный – вы найдете в свободном доступе литературу всякого сорта о роли Японии в войне и так называемых «преступлениях». На Западе это вызвало бы шок, возможно, даже запрет. Но мы невидимы для Запада. Так чего притворяться? Почему другие должны диктовать, что нам делать? Простите, но у меня есть право определять характер собственной нации по своему усмотрению.

Сакаи наклонилась вперед, взяла одну из фотографий в рамке и стала ее рассматривать. Большая компания кумийцев улыбалась, стоя на фоне бейсбольного поля. Очевидно, на мероприятии в рамках тимбилдинга.

– Как интересно, господин Онага. Конституция, которую вы так легко отвергли, защищает как раз вашу идеологию.

Онага издал неприятный смешок, словно встряхнул мешочек со стеклянными шариками.

– Мы живем в марионеточном государстве, инспектор Сакаи. И моя группировка добивается независимости от него. Ошибки послевоенной демократии непростительны!

– Если вы верите в победу, вы просто глупец.

Онага фыркнул.

– Но от вас требуется простая вещь. – Она развернула групповой снимок лицом к Онаге и указала на вытянутую физиономию Кодאי Кийоты. – Сказать мне, где сейчас этот человек.

При этих словах улыбка сползла с лица толстяка.

– Почему он вас интересует?

– Вы думаете, я буду отвечать на *ваши* вопросы? Я спросила, где Кодאי Кийота. Вот и все.

Онага помрачнел:

– Я не знаю. И вообще, он больше не член организации.

– Почему?

– Он из нее вышел.

– Почему?

Онага молчал. Сакаи давно привыкла к подобным паузам, когда человек пытается подобрать правильные слова, нужный ответ.

– Кийота был многообещающим новобранцем. Я был уверен, что он добьется многого. У него был талант... заставлять людей слушать. Но в результате все обернулось иначе.

Сакаи прекратила записывать и подняла на него глаза. Онага вздохнул и откинулся на стуле.

– Вы пришли из-за убийства корейской семьи, верно? Их тупое упрямство против планов строительства стало для округа шилом в заднице. Проект «Вивус» должен был создать рабочие места, дать району Сэтагая новую инфраструктуру и благосостояние. И только одна семейка упорно демонстрировала свой эгоизм.

Сакаи махнула рукой:

– Ближе к сути. В какой момент к вам присоединился Кийота?

– Совсем недавно он вступил в нашу организацию и успел неплохо себя проявить. Он интересовался, может ли лично пообщаться с семьей. Разумеется, я четко дал понять, что разговор должен проходить мирно и в рамках закона.

– Но Канесиро не поддались на уговоры.

– Они начали судебный процесс, который обошелся бы нам в чудовищную сумму. Тогда я объяснил Кийоте, что надо знать, когда и как отказываться от борьбы. Но он упрямылся. А вскоре доверенные члены коллектива донесли мне... о его сомнительных привычках.

– Не тушуйтесь, продолжайте.

– У него была алкогольная зависимость, да и криминальное прошлое начинало раздражать. У левых появлялось все больше поводов швырять в нас грязью.

– Стоп. Мне нужен только Кийота. Итак, алкоголик с криминальным прошлым. Что еще? Вы упомянули сомнительные привычки.

Онага посмотрел ей в глаза:

– У него еще была подружка. Совсем девочка.

– Имя.

– Она тоже вступила в организацию. Я попрошу подготовить информацию о ней к вашему уходу.

– Я хочу получить ее прямо сейчас.

Какое-то время Онага сидел молча, потом поднял трубку и приказал принести ему дело.

– Пара минут, инспектор.

– Спасибо.

– Должен признаться, я испытываю к вам глубочайшее уважение. Я говорю о полиции вообще. Благороднейший институт. Правда, сейчас вы теряете время, но в целом – великолепное учреждение.

– Вы не считаете, что убийство корейской семьи заслуживает внимания?

– Я этого не сказал. Просто вы зря пришли сюда. Но, возможно, вас привело ко мне Провидение и вы вернетесь снова, для продолжения разговора?

– Я занимаюсь убийствами. Вот и все. И, если начистоту, думаю, если кто и теряет время, так это вы.

Улыбка Онаги превратилась в оскал.

– Моя страна кишит этой мразью, инспектор. Говорите, вы имеете дело с убийствами? Тогда и я буду откровенен: «Ниппон Кумиай» имеет дело с ненавистью. Никто и пальцем не шевельнет ради справедливости. Но ради ненависти – еще как. У ненависти нет предела.

– Эффектная речь. Но я пришла, чтобы узнать о Кодзи Кийоте.

– Я не могу вам сказать, где он находится, а также что он совершил или не совершил. Если он причастен к этим убийствам, то я его осуждаю. Но позвольте сказать одно, инспектор. Кто бы это ни сделал, у него были на то основания.

Вошел клерк с папкой в руках. Сакаи взяла ее и сразу раскрыла. В ней содержалась единственная страница с досье на Асако Одзаки. Поперек листка шла красная печать:

ИСКЛЮЧЕНА

Он удрученно покачал головой:

– Ее отец покончил с собой, когда его выдавили из прачечного бизнеса. Угадайте, кто занял его место и переманил клиентов демпингом цен? Мать вышла за другого, и Асако оказалась предоставлена сама себе. Она так и не простила тех корейцев. К тому времени, когда она пришла к нам, по заряду злобы она могла потягаться с самыми преданными членами. Можно сказать – пиарщица мечты. Я огорчился, когда она ушла. Но что поделать? Любовь зла, влюбленные слепы.

– За что ее исключили, господин Онага?

– Она отказывалась следовать нашему кодексу поведения. У нее были постоянные стычки с законом, потом эта связь с Кийотой... Нам пришлось ее отпустить.

Сакаи провела пальцем по странице.

Ага, девочка для Иваты?

– Инспектор, вы считаете нас обыкновенными расистами, так? Ладно, и так вижу. Но мы не согласны – такое определение нарушает наши интересы, отказывая нам в логике и цельности. Оно означает иррациональное отвращение или страх. Оно неверно. Напротив, мы с ясной логикой выбрали борьбу с этим могущественным меньшинством. И если это расизм – пусть. Если либеральная пресса нас проклинает – на здоровье. Мы ведем куда более серьезную и сложную битву.

Не удостоив его ответом, Сакаи вернулась к изучению файла из личного дела Асако. Та проживала в Син-Окубо, ей было четырнадцать лет.

– Господин Онага, надеюсь, мы еще встретимся. Seriously.

Онага с улыбкой протянул ей руку:

– Конечно, инспектор, с удовольствием.

– О нет, думаю, вы меня не поняли.

И она вышла из кабинета.

Глава 7

Похвала тени

На закате Ивата бесцельно бродил по городу. На берегу океана под первыми звездами вечеряющего калифорнийского неба прогуливались кутавшиеся в свои одежды люди. На легком ветру шелестели макушками стройные пальмы. Мрачные огненные волны лизали глянцевый песок, оставляя бурлящую пену на гальке. В отдалении поблескивал пирс Санта-Моники, медленно вращалось знаменитое колесо обозрения. Ивата слышал музыку, печальную, но в то же время дерзкую.

Го родские огни, как прекрасны они.

Он покинул пляж, влекомый звуками этой мелодии.

Я счастлива с тобой.

Из распахнутых настежь дверей углового магазинчика музыка волной окатывала прохожих.

Прошу тебя, скажи мне слова любви.

Ивата вошел внутрь и увидел ее.

– Привет, – сказала она.

– Привет, – ответил он.

Женщина улыбнулась.

Я иду, иду, качаясь, словно челн в твоих руках.

– Я знаю эту песню, – сказал он.

– Очень красивая песня. Знаешь, о чем она?

Ивата кивнул.

– О чем же?

– О печали.

С минуту они смотрели друг на друга.

– Я Клео, – сказала она.

У нее была загорелая кожа, а на запястье – потрепанные фенечки.

Я слышу звук твоих шагов. Молю, еще один лишь поцелуй.

Вскоре они очутились голышом на ее стареньком диване, среди свежесрезанных цветов и музыки. Она исправляла его ошибки в английском и почти каждое утро готовила яичницу. Спать она любила на боку. На рассвете он проводил рукой вдоль ее ребер – так легкий бриз ласкает песчаные дюны.

Как я нашла тебя?

Лишь в сладкой полудреме он мог прошептать: «Это чудо».

Так дни превращались в годы – они путешествовали на машине, ссорились, по выходным не вылезали из постели. Рядом с Клео всегда звучала музыка и подгорали тосты. Она ласково уговаривала тронуться с места свою старенькую машину и громко возмущалась, слушая вечерние новости. Лишь ей одной было позволено нарушать собственные правила. Ей одной удалось стать центром его жизни.

Она шла вдоль океана, бросая палку воображаемой собаке.

Гордая. Гордая. Гордая.

Освещенная предзакатными лучами, Клео обернулась и улыбнулась ему:

– Как же тут красиво!

Здесь другое солнце и другая страна. В белом, слепящем свете позади нее маяк, отбрасывающий бесконечную тень.

*

Ивата съехал на широкую обочину и распахнул дверь машины. Он перепрыгнул через дорожное ограждение и подбежал к ближайшему дереву; его вывернуло. Он стоял, задыхаясь, смагивая слезы.

Сука. Сука. Сука.

Он стал бить и пинать дерево до тех пор, пока не перестал чувствовать свои окровавленные руки. Цветы осыпавшейся вишни на мгновение задержались на его плече и спорхнули в грязь.

*

– Университет Киото – один из старейших и престижнейших в Азии, – с этими словами пожилой охранник провел Ивату через роскошные ворота, заложив руки за спину и раздуваясь от гордости, будто он лично закладывал эти кирпичи. – Восемь нобелевских лауреатов, две Филдсовские премии, одна премия Гаусса. Каждый год здесь обучаются двадцать две тысячи студентов. – Он показал на стойку информации. – Вот мы и пришли. Вам покажут, где факультет психологии.

Ивата поблагодарил его и пошел через лужайку к зданию. Был солнечный день, и студентки группками сидели прямо на траве. Старое камфарное дерево высилось в тени башенных часов из красного кирпича у Зала Столетия. Терраса кафе была набита битком: молодежь болтала и потягивала холодный чай, нежась на солнце.

Ивата обогнул компанию молодых людей, которые прыгали через скакалку, и направился к восьмиэтажному зданию. Он только собирался войти, как совсем рядом услышал звуки борьбы и глухих ударов. Завернув за угол, он увидел двух боксирующих мужчин. Тот, что помоложе, мускулистый и приземистый, держал руки в боксерских перчатках перед собой. Его партнеру, высокому и сильному, было не меньше сорока. Он осыпал противника быстрыми ударами, точными и экономными. Молодой боксер изо всех сил сдерживал его натиск, словно защищался газетой от водяной пушки.

Ивата, наблюдая за борьбой, отметил, что второй боксер – левша. Наконец поединок закончился, и молодой, с раскрасневшимся лицом, рассмеялся:

– Профессор Игараси, ваша серия ударов – просто жуть.

– Это еще что, вот раньше...

– Пожалуй, не стоит сачковать на ваших занятиях!

Теперь рассмеялся профессор:

– Идем, угощу тебя пивом.

Пока его не заметили, Ивата поспешил удалиться. Он вошел в здание, поднялся по лестнице на третий этаж и постучал в дверь с табличкой «Судебная психология и семиотика».

– Войдите! – откликнулся женский голос.

Ивата переступил порог тесной комнатки с четырьмя партами и засыхающими комнатными растениями. Женщина, с виду ровесница Иваты, оторвалась от бумаг и строго посмотрела на него. Она носила волосы ниже плеч и длинную челку. Выдающиеся скулы придавали ее лицу форму сердца. Одетая она была в зеленый кардиган, в ушах поблескивали серебряные серьги с бирюзой.

– Чем могу помочь? – спросила она спокойно и приветливо.

– Я ищу профессора Шульца.

– Он скоро вернется. Могу я узнать ваше имя?

Ивата показал значок. Она удивленно подняла брови:

- Вообще-то обычно полиция обращается ко мне, а не к Дэвиду.
- Вот как?

Она указала на табличку на краю стола:

Д-р ЭМИ ХАЯСИ – криминальная психология

- Может, в другой раз, – сказал Ивата.
- Садитесь, прошу вас.

Она указала на кресло, и на ее руке Ивата заметил часы с Микки-Маусом. Она поймала его взгляд, но он отвернулся к окну. Лужайка, где проходил тренировочный боксерский поединок, была пуста.

- Не желаете ли пока кофе, инспектор?
- Нет, благодарю вас.
- Точно? У меня тут отличная кофемашина, если что.
- Спасибо, я не хочу.
- Что ж, Дэвид вот-вот вернется.

Знакомый бардак из книг и бумаг на столе приятеля не удивил Ивату. К монитору компьютера прилеплен скотчем флажок «Питтсбург Стилерз»⁷. Возле телефона стояла фотография стройной рыжеволосой женщины с ребенком на руках.

Дверь распахнулась настежь, и в кабинет ворвался Дэвид Шульц с охапкой бумаг. Джинсы были ему явно маловаты, а рубашка в мелкую красно-белую клеточку пропитана потом.

- Мать твою. Косуке, ты?
- Друзья обнялись.
- А ты растолстел, – сказал Ивата по-английски.
- Да пошел ты. Японская диета!
- Женщина собрала свои бумаги и встала.
- Нет, Эми, оставайся. Я уже ухожу.

Она мило улыбнулась и снова углубилась в работу. Шульц выудил из хаоса на столе свой бумажник и повел Ивату в то самое кафе у часовой башни. Он поздоровался с несколькими студентами на почти безупречном японском и направился к уединенному столику, вдали от шумных компаний. Заказав кофе, он пустился в рассказ о своей карьере, недавнем разводе и прелестях отцовства на расстоянии. В одну из пауз Шульц посмотрел на набежавшие облака, и его лицо помрачнело. Их молчание заполнилось птичьим щебетом и смехом студентов.

– Ивата, мы же не виделись с тех пор... с несчастья. Я только хочу сказать, что мне жаль. Черт, мне так жаль! Я не знаю, что еще сказать.

Шульц опустил свою тяжелую лапу на плечо Ива-ты, который отвел от него взгляд и уставился на солнечные струны, проникавшие сквозь листву камфарного дерева. Под его кроной девушка читала книгу, лениво поводя на ветерке босыми ступнями.

- Не стоит говорить об этом, Дэйв.
- Шульц с готовностью закивал:
- Конечно, конечно. Просто я так рад тебя видеть, Кос.

Ивата открыл сумку и положил на стол папку. Дождавшись, когда официантка поставит кофе на стол, он открыл ее. Шульц вытаращился на него:

- Только не говори, что снова работаешь.
- Мне нужна твоя помощь.
- Почему мне не верится, что ты притащился сюда только из дружеских побуждений?
- Потому что ты слишком умен.
- Улыбка Шульца померкла.

---

⁷ Профессиональный футбольный клуб из американского города Питтсбург, Пенсильвания; основан в 1933 году.

– Нет, серьезно, ты уверен, что готов? Может, тебе стоило немного подождать...

Ивата поднес к глазам друга снимок и понял, насколько черное солнце поглотило все мысли Дэвида.

– Сукин ты сын.

Ивата ухмыльнулся. На снимке солнце казалось особенно черным на белом фоне.

– Чем оно нарисовано?

– Углем. Убийца заставил жертву нарисовать это пальцем, а потом вырвал его сердце. У меня с собой есть другие фотографии.

Шульц вздохнул и посмотрел в небо, уже иссиня-багровое.

– Что ты хочешь узнать?

– Первое: это символ или знак? Второе: что он означает?

Шульц закатил глаза:

– Кос! Я спец по семиотике, а не Эркюль Пуаро, мать его.

– Я из кожи вон лез, чтобы меня сюда послали. Не могу я вернуться с пустыми руками, Дэйв.

– Твои проблемы. – Он снова взгляделся в снимок и, качнув головой, сдался: – Ну хорошо.

– Ты отличный парень, Дэвид.

– Я бы назвал тебя бездушной сволочью, но таков ваш национальный характер.

*

Ивата и Дэвид Шульц сидели на скамейке в окружении красно-зеленых холмов. Где-то внизу мерцал огнями Киото, словно намеревался согреть своим светом округу.

Городские огни, как прекрасны они.

– Местечко класс, – сказал Ивата.

– Я прихожу сюда, когда мне нужно проветрить голову.

– Ну и как, помогает?

– Да, иногда.

– Лучше «Питтсбурга»?

Дэвид расхохотался.

– Слушай, ты читал Дзюнъитиро Танидзаки?

Ивата кивнул.

– Эми дала мне его книгу. Там есть одна строчка, которая не идет у меня из головы: «Красота заключена не в предметах, но в игре тени и света, созданных ими».

– «Похвала тени», – сказал Ивата.

– Она вертится у меня в мозгу, не знаю почему.

– Я понимаю, о чем ты.

Шульц устало улыбнулся и протянул руку:

– Тогда валяй. Показывай свои сраные фотографии.

Ивата снова открыл сумку и передал другу папку со снимками. Шульц медленно перебирал их; его лицо лишь слегка подрагивало. Теперь он осмотрел изображение солнца со всех ракурсов, а также оценил его положение относительно изуродованного тела Цунемасы Кане-сиро. Наконец он снова вложил их в папку и опасливо отдал Ивате.

– Как ты можешь привыкнуть к таким вещам?

– Я просто скольжу по ним взглядом.

– Но, Кос, – он указал на стопку кошмарных снимков, – ты уверен, что готов этим заниматься? Ведь у тебя самого случилось...

Ивата выставил вперед ладонь:

– Дэйв, прошу тебя. Не надо.

Шульц кивнул:

– Ладно... Ладно.

– Спасибо.

– Ты спросил, символ это или знак. Я думаю, что символ. – Он показал на предупреждающий знак у самого края скалы. – Видишь ли, знак указывает: «стой», «иди», «езжай» – и так далее. А символ, напротив, представляет некую идею, процесс или физическую сущность. Здесь главное слово – *представляет*. Символ представляет нечто иное, нечто за пределами видимого, тогда как знак означает то, что означает. Христианский крест означает не мертвеца на кресте, он означает жертвенность, веру, надежду и так далее – иными словами, религию. Знак решает за тебя, а символ предлагает тебе подумать – абстрактное против конкретного, я бы сказал.

– Значит, ты не думаешь, что черное солнце дает прямой приказ или предупреждение?

– Я могу лишь догадываться, но не думаю, что убийства как таковые что-то означают. Каков бы ни был замысел убийцы, мне не кажется, что убийство семьи было его конечной целью. Символ может означать, что убийства – это лишь начало. Исходная точка чего-то другого.

– Говоришь, убийства... каким-то образом подчинены черному солнцу?

– Кос, я думаю, они принадлежат ему. Скорее всего, убийца тоже. Кто его знает, дружище. Реальность – для выживания, но фантазия – для жизни.

Сумерки давно растворились; теперь друзей окружала холодная ночь, над головами повис серп луны.

– Ты спросил, что оно означает. А это вопрос на миллион долларов, понимаешь? – фыркнул Шульц. – Черт возьми, да это все равно, что спросить математика о значении нуля. Хочешь, чтобы я начал от печки?

– Неважно, лишь бы я понял.

– Ну ладно. Я так понимаю, ты ищешь убийцу. Скорее всего, одержимого черной символикой. Черное солнце можно трактовать как отсутствие света – и это для него абсолют, как конец жизни, вечная тьма. Сатана и все такое. Символ черного солнца традиционно тесно связан с оккультизмом, не говоря уж об эзотерическом нацизме.

– *Каком* нацизме?

– Черт, надо было пойти в какой-нибудь кабак. Я не знаю, насколько ты хочешь во все это углубиться, но речь идет о полурелигиозной, мистической ветви нацизма, возникшей в 1950-х годах. Его адепты рассматривали черное солнце как мистический источник энергии, способный возродить арийскую расу. Существует целая литературная традиция, связывающая арийскую расу с черным солнцем. В «Теософии» Елены Блаватской говорится о «центральной солнце». Для древних греков Гиперборея была местом, где обитал «народ за северным ветром». По другим толкованиям, это и есть место обитания древней арийской расы. Да, Гиммлер был большим поклонником идеи «Ура-Линда», которую иногда называют «Нордической библией» и часто цитируют в дискуссиях по эзотерике и «литературе Атлантиды». В любом случае Гиммлер участвовал в перенесении древнего «арийского символа» в Вевельсбургский замок⁸. Думаю, ты знаешь, что он выбрал. Впрочем, все это сто раз описано.

Шульц наглухо застегнул куртку и уставился вдаль, на горизонт.

– Ты упомянул, что семья была корейская, «из чужаков», и наверняка думаешь, что тут может иметь место расовая ненависть или комплекс расовой чистоты. Я не могу с уверенностью утверждать, что именно символизирует черное солнце, но, безусловно, можно допустить

---

⁸ Вевельсбургский замок – ренессансный замок в немецкой Вестфалии, с которым связано множество легенд. Известен главным образом как музей и бывшее училище по идеологической подготовке офицеров СС в эпоху нацизма.

и нацистский след. То есть твой убийца может запросто оказаться тупым сатанистом или фундаменталистом.

Шульц почесал небритый подбородок и продолжил:

– Кос, мы говорили лишь о прошлом веке. Тебе нелишне знать, что символ черного солнца так или иначе присутствует во всех культурах древности. У египтян, у шумеров, у ацтеков... Это священный символ, связанный с мифами о рождении мира, апокалиптическими легендами и так далее. Но об этом больше расскажут историки. А я, пожалуй, поведал тебе все, что знал. Но могу дать что-нибудь почитать.

– Дэвид Шульц, это было блестяще.

Они вернулись в машину и поехали в темноте, не разговаривая, краем уха слушая репортаж по радио о растущем в Японии спросе на услуги по уходу за пожилыми людьми и о сокращении рождаемости. Ивата ехал не спеша, весь погруженный в мысли о черных символах. У ворот колледжа Шульц открыл дверцу машины; в салоне зажегся свет.

– Я позвоню тебе, если попадется что-то любопытное. И в следующий раз приезжай, пожалуйста, без трупов.

Они коротко обнялись. Шульц вылез из машины, потом повернулся и просунул голову в окошко.

– Макс Вебер сказал, что человек – это животное, запутавшееся в паутине символов, которую он сам же и сплел. Знаешь, что я думаю? Тот, кого ты ищешь, запутался в черном солнце. Для него это не просто символ. Думаю, для него это весь мир. Он им живет и дышит.

Шульц похлопал по крыше машины и резко захлопнул дверцу.

Глава 8

Капля меда

Ивата свернул с автострады Мейсин на Томейскую, ведущую на Токио. Он не сводил глаз с освещаемой фарами дороги, не отвлекаясь по сторонам. Хотя голова все еще побаливала, он чувствовал, что скоро ему полегчает. Ивата включил радио: какой-то молодой человек застенчиво рассмеялся.

– Нет-нет, конечно, я вижу себя иначе, и вовсе не считаю себя каким-то особенным. Меня интересует личностное взросление. Если я смогу помочь кому-то достичь духовного роста, то буду счастлив. Но – нет, я не гуру. Я просто осознаю, что у людей внутри пустота. Их гложет неуверенность, на них давит груз сомнения. Меня же волнует ясность восприятия и благополучие. А самое главное – мне интересны люди.

– Если вы нас смотрите, напоминаем, что наш гость – Акира Андзай, лидер неоднозначного религиозного движения «Тэта», в отношении которого в последнее время развернута публичная дискуссия. Как всегда, мы ждем ваших комментариев, а господин Андзай ответит на ваши вопросы. Наш телефон...

Ивата выключил радио и наудачу набрал номер оружейного склада полицейского управления Си-буи. После долгого ожидания ответил старческий голос:

– Да?

– Господин Наката, это Ивата, мы виделись утром.

– Да, я вас помню. Мне сюда не очень часто звонят.

– Я хотел попросить вас об одолжении. Мне нужен адрес одного коллеги.

– У меня есть доступ к личным данным. Кто вам нужен?

– Инспектор Акаси. – Ивата произнес имя как можно небрежнее.

Наката молчал: до Иваты доносились приглушенные звуки Малера.

– Хидео Акаси?

– Именно так.

– Одну минуту.

Ивата услышал металлический лязг ящика, и вскоре старик снова взял трубку:

– Ручка у вас есть?

Ивата записал адрес и тепло поблагодарил Накату. Он ввел адрес в навигатор. Оказалось, что Акаси жил почти в часе езды от Токио, в Тибе. Ивата свернул на нужную дорогу, и тут же у него зазвонил мобильный.

– Ты еще дома?

– Я еду, Сакаи.

– Куда?

– Куда глаза глядят.

– Ага. Ну понятно. Никакой конкретной цели?

– А что, ты соскучилась?

– Размечтался, придурок. И вообще, в моей жизни появился мужчина.

Ивата подался вперед:

– Кийота?

– Он самый. По крайней мере, крепкая зацепка. В «Ниппон Кумиай» давно с ним распрощались, но у него есть подружка-малолетка, Асако Одзаки. Готова поспорить, это та самая девица, которая преследовала Цунемасу на работе. Найдем ее – найдем и Кийоту.

– Ты молодец, Сакаи!

– Вот спасибо.

*

Когда Ивата добрался до Тибы, уже почти рассвело. В воздухе повисла дымка. Навигатор привел его к огромному пустырю, заваленному мусором. За ним виднелись заброшенные строительные площадки. На юг тянулся обрубок недостроенной развязки. На востоке уныло торчало несколько заброшенных зданий. В пустующих залах с игровыми автоматами завывал ветер. Никому не нужный бизнес-центр разваливался на глазах, непроданные дома заплотонили заросли сорняков. Жизнь не сумела пустить здесь корни. На севере Ивата разглядел покрытые ржавчиной рельсы. Местность была плоская, бесцветная, тянулась куда-то вдаль. Стая ворон взлетела с грязной земли и растворилась в тумане.

Ивата еще раз проверил адрес. Он вышел из машины и заметил утоптанную тропинку, ведущую от дороги вглубь пустыря. Прищурившись сквозь пелену тумана, он различил неясные очертания какого-то строения. Осторожно приблизившись, он увидел, что тропа упирается в обгорелые останки небольшого дома. Кирпичная кладка фундамента сохранилась, но дерево и пластик пламя не пощадило. Все, что от дома осталось, – лишь тощий черный каркас, напоминавший обгоревший скелет. Ивата чувствовал запах гари, от которой долго теперь не избавиться. Рядом стоял полицейский знак «Проход запрещен». Ивата подумал: наверняка они решили, что это несчастный случай.

Он прошел через воображаемую дверь, и его поразило увиденное. Столбы солнечного света прорезали разрушенную крышу, стены пропитала дождевая влага. Обуглившаяся домашняя утварь хрустела под ногами Иваты, и любое его прикосновение рождало облака пепла. На полу громоздились искореженные и истерзанные огнем причудливые предметы, потерявшие свою первоначальную форму.

Ивата огляделся в поисках вероятных очагов возгорания, у двери и с внешней стороны. Проверил розетки, понюхал, не тянет ли от них воспламеняющейся жидкостью. Но ничего, что объясняло бы причину пожара, не обнаружил. Так же как и следов пребывания наркоманов.

Блажен тот, будь он царь или смерд, кто находит мир в доме своем.

От пепелища веяло печалью. Дом поскрипывал на ветру, словно радовался, что наконец-то уж догорел. Ивата попытался вообразить, как мог выглядеть этот дом прежде, как жилось его обитателям в этом убогом, всеми брошенном, не пригодном для жизни месте. Он даже не представлял, как Хидео Акаси мог ютиться здесь, в этой старой хижине посреди грязного пустыря, под недостроенной петлей развязки, и что чувствовал при этом.

Может, туман проникал в твой дом сквозь стены? Может, в последние дни перед смертью он заполнил и твоё жилище, и твоё сознание? Может, ты жил как во сне, лишь произнося заученные фразы? И чувствовал облегчение во время прыжка?

Ивата ощутил, насколько одинок был погибший, и проникся к нему сочувствием. Даже дыхание перехватило.

Кто наслаждается одиночеством – тот либо дикий зверь, либо божество.

Ивата набрал полную грудь воздуха и выпрямился. И в этот момент под кучкой гвоздей, головешек и мусора что-то блеснуло. Он потянулся и вытащил маленький и гладкий кусочек янтаря, словно застывшую каплю меда. Он сдул с него золу и поднес к свету. Внутри он увидел маленькие пузырьки и крошечных насекомых, замурованных в нем навечно.

«И откуда ты здесь взялся»?

Ивата закрыл глаза. В тишине он услышал приближающийся рокот.

Когда пришли недобрые, чтобы съесть меня живьем, они споткнулись и упали.

Он положил янтарь в карман и снова вышел в туман. Рокот нарастал. Ивата сделал несколько шагов вперед и услышал визг тормозов.

Господь мой свет, мое спасенье. Кого страшиться мне?

Туман окрасился в розовый – сквозь него прорывался красный свет фар. Прямо на него в развороте неслась черная машина. Ивату спасла реакция: он кинулся обратно к дому. Машина приблизилась вплотную, но Ивата успел нырнуть в бывшее окно. Тут же раздался лязг металла о кирпич.

Кан. Кан. Кан.

Ивата лежал на полу. Из его вновь открывшейся раны сочилась кровь, а ребра словно сжимало огромное кольцо. Он попытался подняться – и снова рухнул со стоном, адская боль пронзила его лодыжку. Он все-таки смог поднять голову и увидел машину, врезающуюся в стену. Кровь звучно, с ритмичностью аплодисментов, капала у него из носа на колени. Красный свет фар освещал разрушенный дом, клубы выхлопных газов смешивались с туманом. Мотор работал на полную мощность. Ивата достал пистолет и заставил себя подняться на ноги.

– Выходите из машины спиной ко мне, руки за головой!

На долю секунды все замерло.

А потом машина резко рванула вперед, и красные точки исчезли в тумане. Ивата выбрался из обломков и заковылял подальше от дома. Он чувствовал, что по его лицу и по ребрам течет кровь, а лодыжка горит – большой привет «исудзу». По дороге к машине он несколько раз отключался. Оказавшись на заднем сиденье, он набрал номер Сакаи, но она не отвечала. Задышавшись, он набрал телефон службы спасения и продиктовал номер своего значка.

– Черная «хонда-одиссей» десятого года, повреждения на капоте...

– Алло? Инспектор? Алло!

– Попытка наезда на полицейского...

– Алло! Инспектор! Вы меня слышите?..

Взгляд Иваты уперся в часы на приборной доске. Перед глазами запрыгали звездочки, а потом разлилась темнота.

Его дыхание становилось все тише и тише.

Глаза закрылись. Он отключился.

Глава 9

Послание к галатам

Как холодно.

Первый день 1986 года.

Огромный, суетливый автовокзал.

Стрелки часов показывают 8:20 утра – время он уже научился понимать.

Косуке крепко держался за мамину руку, хотя не поспевал за ее шагом.

Она то и дело оглядывалась, на лбу у нее блестели капли пота.

С Косуке раньше такого еще не бывало.

Он тоже стал оглядываться, хотя и не понимал зачем.

– А что ты ищешь? Я тоже хочу, – сказал он, задрав повыше голову.

Она словно не слышала его.

Ее челюсть двигалась, когда она изо всех сил сжимала зубы.

Косуке уже знал: когда она такая, лучше помалкивать, не задавать вопросов.

Одни автобусы приезжали, другие уезжали. Семейные пассажиры стояли в ожидании опаздывающих родственников, чтобы, соединившись с ними, вместе продолжить путь.

Косуке знал, что у него, кроме матери, больше никого нет.

Они подошли к стоянке автобусов, от которых сильно пахло бензином.

Она усадила его на скамью возле сломанного автомата для напитков и рядом положила его рюкзачок с капитаном Цубасой⁹.

И все время оглядывалась. Розовые уголки ее век над лихорадочно метавшимися по сторонам глазами блестели от влаги.

– Косуке, твоей маме нужно кое-куда поехать по делам, ты понимаешь?

Она никогда не говорила «я», «мне».

Он кивнул, хотя внутри у него все так и сжалось.

– Не потеряй рюкзачок, ладно?

Косуке снова кивнул.

Она повернулась, готовая уйти.

Задержалась на месте. Развернулась и присела перед ним, так что он почувствовал запах ее потного тела.

– Косуке, оставайся и сиди здесь, на виду. Ты помнишь стишок?

Косуке кивнул.

– Давай, расскажи.

– Один – горе... Два – балаган...

– Умничка! Давай дальше.

Она улыбнулась, одновременно покусывая губы.

Она была очень красивая. Косуке не мог не заметить, что люди с трудом отводили от нее взгляд.

Так бывает, когда случается авария.

Или когда по улице идет сумасшедший.

Она вытащила из-за пазухи деньги и сунула Косуке в задний карман.

– Будь хорошим мальчиком, Косуке.

Она встала и пошла прочь с опущенной головой.

Он смотрел на нее, пока она окончательно не растворилась в толпе.

---

⁹ Цубаса – герой популярной серии комиксов манга, посвященной футболу.

Повжикав туда-сюда молнией на рюкзаке, Косuke заглянул в него и обнаружил там сэндвичи и чистую одежду.

В ожидании, когда мама вернется, он принялся болтать ногами.

Этим утром они встали рано – она разбудила его еще до рассвета, – и Косuke успел утомиться.

– Три – девчонка, четыре – пацан...

Потирая глаза, он лег головой на рюкзачок.

Не в силах сопротивляться он провалился в сон.

Когда Косuke открыл глаза, он почувствовал явное беспокойство.

Прошло слишком много времени, и у дальнего конца автовокзала уже не было семейных компаний, ожидавших автобуса.

Мать наказала ему находиться на виду, но здесь его никто не видел.

Косuke взял свой рюкзачок и пошел ко входу.

Окружающие с улыбками посматривали на него, но он их словно не замечал.

Снаружи уже смеркалось, хотя часы показывали лишь четыре часа.

Было очень холодно; Косuke пожалел, что не взял перчатки.

Мужчина в длинной темной куртке загородил ему путь и потрепал его по голове:

– Привет. Сдается мне, ты проголодался. Любишь сливы?

Косuke не взглянул на мужчину и ничего не ответил.

Это мать научила его.

Мужчина постоял немного, оглянулся и ушел, а Косuke вернулся на скамейку.

Может, не стоило ему бродить по вокзалу.

Что, если она вернулась, а он ушел?

Косuke знал, с мамой шутки плохи.

С той минуты, как он осознал, что замерз, он больше ни о чем не мог думать.

Он снова лег головой на рюкзачок и закрыл глаза. Прошло довольно много времени, когда его разбудил незнакомый мужчина.

Высокий, пожилой, в форме.

Полицейский.

Косuke доверял полицейским, но, глядя на этого, увидел в нем просто мужчину.

– Как тебя зовут?

Косuke пробормотал свое имя.

– Ты потерялся, верно?

– Мама сказала, чтобы я ждал здесь.

– Когда это было?

– Часы показывали 8:20.

Полицейский в задумчивости поджал губы.

– Сколько тебе лет?

– Десять.

– Правда?

Косuke ничего не ответил.

– Ты когда-нибудь катался на полицейской машине?

Косuke замотал головой.

Полицейский взял его за руку и повел с вокзала прочь.

В машине стоял запах лимона и табака.

Полицейский, посадив Косuke в машину, стал вызывать кого-то по рации.

В машине было холодно, и он включил обогрев.

Теплый воздух вырывался из печки с громким гудением.

В зеркале заднего вида Косукэ наблюдал, как уменьшался вокзал, по мере того как они набирали скорость.

Совсем стемнело, и в свете фар деревья по сторонам дороги казались ему седыми.

Они направлялись в горы.

Из потрескивающей радиации раздавалась быстрая нечеткая речь.

Наконец полицейский ответил «*понял*».

Косукэ видел, как деревья океанской волной взбирались на холм.

Их мерное покачивание навевало на него сон.

От нахлынувшего тепла у него разгорелись щеки. Наконец после долгого пути полицейская машина остановилась у небольшого домика на краю леса.

Полицейский, открыв дверь, положил руку на плечо Косукэ:

– Сегодня останешься здесь. А завтра посмотрим. Ступеньки крыльца поскрипывали, вокруг светильника кружила мошкара.

Полицейский зашел внутрь и повесил шляпу на крючок.

– Подожди здесь, – сказал он и исчез.

Косукэ уловил запахи чужого дома. Вскоре вернулся полицейский, неся в руках стеганое одеяло. Он отвел Косукэ в комнату, положив одеяло в угол. Потом потрепал мальчика по голове

– Косукэ почувствовал исходящий от него запах дерева с дымком – и вышел.

Косукэ совсем не устал.

Он шептал себе под нос:

– Пять – серебро, шесть – золото.

Так и сидел, играя с молнией на рюкзаке.

Вжик. Вжик. Вжик.

*

Назавтра было пасмурно и дождливо.

Косукэ заметил, что в горах дни короче, чем в городе.

Когда открылась дверь, в дверном проеме возникло искаженное злобой лицо пожилой женщины с шапкой нечесаных седых волос на голове.

Закрыв за собой дверь, она испарилась.

Вскоре Косукэ услышал тихий и печальный баритон вчерашнего полицейского:

– Он совсем малыш.

Женщина говорила довольно громким шепотом.

Ее голос напоминал шорох колес по гравиию.

– Черт, но на сколько, Эйдзи?

Что ответил мужчина, Косукэ не разобрал, женщина перебила его:

– Теперь корми его еще. И одевай. Ему много чего нужно, Эйдзи. Какой же ты тюфяк! Тебе же не будут платить за присмотр, так? Знаешь, это просто жестоко. Ты думаешь, что проявляешь доброту, а на самом деле – наоборот.

Дверь в комнату распахнулась, и вошла упитанная девчонка немного старше Косукэ.

Закрыв дверь, она уселась напротив телевизора.

– Это бабушка, – обратилась она к нему вполоборота. – Вечно она ворчит.

Она включила приставку, на экране которой появился блестящий серебристый логотип Sega Genesis.

Косукэ непроизвольно пристроился рядом.

Пока она пролистывала меню, Косукэ и без того знал, что она выберет:

«Обнажив кулаки» – 2.

Когда-то Метро-Сити был мирным городом, но однажды... его захватил могучий преступный синдикат, возглавляемый загадочным Мистером Зэдом. Застигнутый врасплох безжалостной волной преступности, город погрузился в хаос, а полиция оказалась коррумпированной. Теперь ты и только ты сможешь спасти Метро-Сити... ОБНАЖИВ КУЛАКИ!

Девочка выбрала Флейм – мастера дзюдо, – и начался первый раунд.
Как опытный игрок, она почти не несла потерь и косила плохих парней пачками.
Ее щеки в мерцании экрана были голубого оттенка. Косuke весь день наблюдал, как она жала на кнопки и освобождала Метро-Сити, избавляясь то от одного негодяя, то от другого.
И только ближе к вечеру он снова увидел полицейского.
Перебранка в коридоре давным-давно стихла.
Полицейский стоял в дверях в фуражке.
Косuke взял свой рюкзачок и помахал на прощание девочке.
– Пока, – сказала та, не отрывая глаз от экрана.
Полисмен посадил Косuke в машину и пристегнул его ремнем безопасности.
Теперь они ехали с горы вниз.
– Мы будем искать маму?
Полицейский посмотрел на Косuke через зеркало заднего вида, но не сказал ни слова, продолжая вести машину.
Единственные звуки издавал обогреватель.
Косuke надеялся, что ничего дурного не совершил, но поклялся себе быть осторожнее.
Закатное солнце исчезало за горами.
Косuke мечтал съесть чудо-гриб и вырасти в два раза. Косuke мечтал съесть волшебный цветок и метать пальцами огонь.
Косuke мечтал наблюдать за игрой девочки вечно.

*

Ехали они долго, и, когда полицейский остановил машину, на улице стояла уже крошечная тьма.
За высокими воротами посреди голого пустыря высилось здание с большими окнами.
Вывеска гласила:
**ХРИСТИАНСКИЙ ПРИЮТ ДЛЯ СИРОТ
САКУДЗА РАЙОНА КИТАКУВАДА**
– Где мы?
– Ближайшая деревня называется Мияма.
Кожаное сиденье запищало, когда полицейский вылезал из машины.
Возле входа в здание над его головой сам по себе загорелся осветительный прибор, похожий на логотип компании Sega.
Полицейский исчез за дверями.
В томительном ожидании Косuke вдруг понял, что страшно проголодался. Он достал из рюкзака сэндвичи и принялся за них.
Он изнывал от жажды, к тому же ему нестерпимо хотелось в туалет.
Он подумал о матери, но от этих мыслей становилось только хуже, и он снова принимался разглядывать здание.
Позади него застывшей волной нависала гора.
Куда хватало глаз, тянулся лес.
Полицейский вернулся в сопровождении женщины в черно-белом одеянии.

Ее голову прикрывал черный капюшон, а на шее висел большой серебряный крест, который при ходьбе постукивал по животу.

Полицейский открыл дверцу машины, и Косуке почувствовал, как на улице холодно.

– Выходи, сынок.

Косуке вышел из машины и надел рюкзачок. Где-то поблизости раздавалось журчание реки.

– Спасибо, офицер Тамура.

Голос женщины показался ему каким-то странным.

Она была высокой и очень бледной.

Полицейский кивнул ей в ответ и, не говоря ни слова, сел в машину.

Он вырулил, глядя через плечо, и исчез во мраке.

Женщина взяла Косуке за руку.

– Я сестра Мари-Жозефина, я здесь старшая. Пойдем, ты, наверное, устал.

Она повела Косуке по влажной траве к большому зданию.

Внутри, запирая дверь, она улыбнулась ему.

У Косуке возникло странное ощущение в животе: словно маленький зверек изо всех сил старается вырваться на волю.

Коридор был увешан изображениями умирающего мужчины.

На одних он был одет в красивую синюю юкату¹⁰.

На других – практически голый, весь израненный и с закатившимися глазами.

В темноте пол в коридоре казался застывшей рекой.

Их шаги гулко отдавались в тишине.

Женщина слегка кашлянула:

– Должно быть, ты очень устал, Косуке.

Косуке не знал, устал он или нет.

Она вела его по скрипящим ступенькам вверх.

Когда она проходила мимо окна, ее бледное лицо озарилось лунным светом.

Она не смотрела на Косуке, только прямо перед собой.

На ее губах играла слабая улыбка.

Косуке не видел ни ее волос, ни ее ног.

Она казалась тенью с женским лицом.

В конце коридора женщина остановилась и достала ключи.

Она завела Косуке в комнату, источавшую зловоние немых ног, обитателям которой навечно гарантированы хронический насморк и беспокойный сон.

Монахиня развернулась к выходу, и только тут до

Косуке дошло, что мать его бросила.

Что она больше не вернется.

Что этот полицейский вовсе не собирался ее искать.

Косуке закричал.

Из темноты на него тарасились лица незнакомых людей; одни улыбающиеся, другие гневные. Серые в лунном свете.

Косуке в обеих руках зажал деньги, которые оставила ему мать.

Словно сокровище.

– НЕТ! ПОЖАЛУЙСТА, НЕ НАДО! НЕ УХОДИТЕ! ПРОШУ ВАС!

У Косуке перехватило дыхание.

Страх захватил его целиком.

---

¹⁰ Юката – традиционная японская одежда, представляющая собой летнее повседневное кимоно без подкладки, которое носят как мужчины, так и женщины.

В этот момент в коридоре слышались голоса.

Включился свет.

Косуке вцепился в щиколотки монахини.

– Отпусти, дитя мое...

Но Косуке не мог позволить ей уйти.

– Я БОЛЬШЕ ТАК НЕ БУДУ! НЕТ! НЕТ! Я НЕ ХОТЕЛ! ПРОСТИТЕ МЕНЯ! ПРОСТИТЕ!

Другие мальчики тут же расхватили у него из рук деньги, что дала ему мама.

Рассерженная монахиня настойчиво пыталась отцепиться от него.

По рукам пошли его сэндвичи.

За мутной завесой облаков ухмылялась луна.

*

Господин Иесуги прохаживался вдоль рядов мальчиков, скользя взглядом по маленьким головкам.

Косуке чувствовал коленями ледяной холод камня. Он соединил ладони вместе, так же, как это сделали другие.

Полилась речь, и он закрыл глаза.

Какие-то странные слова.

Если закрываешь глаза, кажется, что это заклинание.

– НИКОГДА!

Голос господина Иесуги рокотал, словно просыпающийся вулкан.

Его шаги отдавались в часовне гулким эхом, и Ко-суке посмотрел на его ботинки. Они походили на блестящие баклажаны.

– Делая добро, да не предадимся унынию...

Господин Иесуги следил, чтобы все дети стояли на коленях как положено: спина прямая, руки вместе, – поправлял тех, кто портил картину.

– Ибо в свое время пожнем, если не *ослабеем*, – последнее слово он произнес с нескрываемым отвращением. – Послание к галатам, глава 6, стих 9.

Шаги господина Иесуги замерли рядом с Косуке. Он опустил ладонь ему на голову.

– Мальчики мои, – произнес он, издавая радостный вздох, – посмотрите в окно!

Все головы обратились к окну.

– Взгляните, как щедро одарил нас Господь. Запомните эти слова, мальчики: «И власть и слава наши парят меж небом и землей, как облака, шатры светила»¹¹.

Засвистел холодный ветер, и деревянные стены часовни застонали.

Косуке вообразил, как на них сверху смотрит ветер.

Рисованный домик-коробок посреди заснеженной травы, окруженный голыми деревьями.

– И ПОМНИТЕ! – Он улыбнулся Христу на витраже. – Здесь мы все сообщны. Мы сообщны, а потому возрадуемся. Ибо *кто наслаждается одиночеством – тот либо дикий зверь, либо божество*. Аристотель.

Господин Иесуги взирал поверх аккуратно стриженных голов коленопреклоненных детей, безмолвных и неподвижных, словно камни на дне колодца.

---

¹¹ Строки из пьесы «Ришелье» английского писателя и драматурга Э. Бульвер-Литтона (1803–1873).

*

По ночам Косуке плакал.
Мальчики привыкли не обращать внимания на его слезы и зажимали уши.
Поэтому Косуке удивило, когда однажды, спустя несколько дней после его прибытия сюда, сверху свесились две ноги.
Мальчик по имени Кеи спрыгнул на пол, приземлившись неслышно, как кошка.
Косуке замер, по-прежнему стараясь заглушить свои всхлипы подушкой.
Кеи похлопал по его одеялу, но Косуке отвернулся лицом к стене.
Он почувствовал на плечах теплое объятие.
Постарался высвободиться, но Кеи не позволил ему, он был сильнее.
– Ч-ч!
Косуке подчинился. Сделав глубокий вдох, он принялся считать про себя до трех.
Потом до двух.
И напряжение спало.

Глава 10

Большая белая акула

Ивата почувствовал, что не может дышать носом.

Он открыл глаза.

Больничная палата.

Где это я?

Посмотрев вниз, он обнаружил на своем запястье ярлык с номером: *Больница Университета Тиба*.

На подоконнике – засохшие головки давно истлевших цветов. Снаружи темной змеей течет на восток канал. На улице дождь.

– Доброе утро, инспектор.

Напротив его кровати сидела обложенная бумагами Сакаи.

– И давно я здесь?

– Сутки. Потеря крови. Вывих лодыжки. Ушиб носа. Швы уже наложили, тебе идет. Не хочешь рассказать, как тебя угораздило?

– Черную «хонду» нашли?

– Ни следа.

Ивата уловил двусмысленность за ее словами.

– Что, Сакаи?

– Новое убийство.

– Это он?

– Похоже на то.

Ивата спустил ноги на пол. Голова раскалывалась от боли. Лодыжка казалась хрупкой, как стекло.

Сакаи бросила на постель пакет с неброской дешевой одеждой и бельем из супермаркета.

– Твои шмотки превратились бог знает во что, я их выбросила.

Ивата проковылял к ширме и переоделся. Когда он закончил, Сакаи открыла дверь и зацокала каблуками по коридору, где царил больничная суэта. Ива-та еле поспевал за ней.

– Ничего не понимаю, – бормотал он.

– О чем ты?

– Кто-то пытался убить меня средь бела дня.

Сакаи остановилась и повернулась к нему:

– Ага. Кто-то. В черной «хонде-одиссей».

– Мне кажется или ты в чем-то сомневаешься, Сакаи?

Она подождала его, и они пошли дальше рядом.

– Ивата, я понимаю, ты в последние дни почти не спал, да и ел кое-как. Потом получил удар по голове...

Он резко рассмеялся:

– Очень мило с твоей стороны, но я видел то, что видел. Помедли я на долю секунды, и проблемы со сном показались бы безделицей.

Они дошли до лифта, Сакаи нажала кнопку вызова.

– Водителя разглядел? Номер запомнил?

– Нет.

– Значит, это мог быть кто угодно.

– Сакаи, и я и ты прекрасно знаем, кто был за рулем.

– Ты думаешь, что это убийца. Но ты не можешь этого доказать. Ты даже не можешь утверждать, что это не пьяный, который просто-напросто тебя не заметил.

– Задним ходом? На пустыре? Какого черта он туда приперся?

– Хотела задать тебе тот же вопрос.

Они глядели друг на друга. Открылись двери лифта.

– Ты как хочешь, но Синдо рвет и мечет. Думаешь, от его внимания ускользнуло, что вместо работы по делу ты шляешься рядом с домом погибшего коллеги? Не сомневаюсь, ему ты навешаешь лапши на уши, но меня не проведешь.

Она нажала кнопку, и они поехали вниз.

– Ладно. Черт возьми, я считаю, что Акаси узнал больше, чем есть в официальном деле.

Сакаи качнула головой, как утомленный вечным нытьем жены муж.

– Даже если так – что нам это даст сейчас?

– А ты подумай, Сакаи: почему ни с того ни с сего Акаси покончил с собой? Почему сгорел его дом? И почему меня пытались убить, когда я заглянул туда?

– Полицейские отчеты говорят, что обычно там собиралась покайфовать местная шпана. Видимо, они и подожгли. Что касается наезда – вероятно, они решили тебя проучить.

Они вышли к парковке и направились к своей машине.

– Сегодня за рулем ты, ладно? – Ивата указал на свою лодыжку.

– Все равно ты водишь, как моя бабушка.

– Сакаи, я осмотрел дом очень внимательно. Никаких следов пребывания наркоманов. «Шпана» – удобное слово, сказал, и работать не надо. Но кто-то нарочно сжег дом. И напал на меня, когда я там появился.

По переулкам они добрались до шоссе и притормозили, ожидая просвета в движении.

– Хорошо, допустим, Акаси знал больше, чем содержится в деле. Что это доказывает? Он был явно не в себе. Нормальный человек не бросится с моста.

– Но его могут сбросить.

– То есть?

Ивата пожал плечами и отвернулся к окну. По крыше машины стучал дождь. Они ехали в молчании, Ивата прикрыл глаза, пытаясь забыть о боли.

– Куда мы едем?

– Залив Сагами, – ответила Сакаи. – Жертву зовут Юко Оба. Вдова, ей было под восемьдесят. Детей нет, родственников, похоже, тоже. Извлечено сердце, как и у Цунесумы Канесиро. Отделение полиции Канагавы уже оцепило место преступления.

– Время смерти установлено?

– Это случилось позапрошлой ночью. Но ничто не указывает на Кийоту, если ты об этом.

Сакаи свернула к автомагистрали.

Она ехала на юг в объезд Йокогамы, направляясь к оконечности полуострова Миура. Залив Сагами, полуостров Босо, пролив Урага. Ивата помнил эти названия с уроков географии. Около ста лет назад на острове Идзуосима, что находится южнее, произошло Великое землетрясение Канто¹². Оно разрушило Токио, Йокогаму и близлежащие территории. Тогда погибло около ста тысяч человек.

Сегодня же море будто бы выстлало по всей поверхности ровным слоем серебристой фольги. Вдоль береговой линии трепетала на ветру трава. Песчаные склоны, подступающие к воде, украшали кринумы – водяные лилии, похожие на упавшие с неба звезды. За ними высились черные японские сосны, охраняя гнездившихся в прибрежной полосе бакланов. Птицы пронзительно клекотали, бросаясь в воду и обратно и прижимаясь друг к другу при порывах ветра.

Дом № 6082 по улице Мисакимати Мороисо находился по другую сторону сосен, почти полностью скрытый от глаз ковром плюща и буйно разросшимся кустарником. Его окна покры-

---

¹² Разрушительное землетрясение в 1923 году в Японии.

вал толстый слой пыли, а краска на фасаде облупилась. Телефонные провода переплелись с виноградной лозой. По обеим сторонам высились горы мусора и старой мебели. Видимо, когда-то отсюда открывался красивый вид, но заросли ежевики не прореживали годами. К дому – современному зданию белого цвета – вела короткая тропка, но все вокруг указывало на запустение. Прилегающая дорога была оцеплена полицией.

Сакаи припарковала машину, вышла наружу и прищурилась, когда ей в лицо ударил океанский бриз. Ивата тоже выбрался и наглухо застегнул куртку. Крепкий полицейский лет пятидесяти отделился от компании коллег и подошел к ним:

– Сержант Наката. Я к вашим услугам.

– Я Ивата. Это младший инспектор Сакаи. Первый отдел. – Он кивнул в сторону дома: – Полагаю, свидетелей у нас нет?

– К сожалению, нет.

– Соседей уже опросили? – вступила в разговор Сакаи.

Накату, похоже, застал врасплох ее тон, но он все же кивнул.

– Они приехали только сегодня утром, на выходные. Они отдыхают здесь вот уже десять лет и ни разу не видели жертву. Думали, что дом заброшен.

– Кто нашел тело?

– Мальчик-рассыльный. Он был ее единственной связью с миром. Но и он едва ее видел. Она оставляла деньги, а он ей продукты и забирал мусор.

– Что мальчик? – спросил Ивата, оглядывая дом.

– Ему пятнадцать.

– Алиби у него есть?

Наката подобострастно улыбнулся, приняв ее вопрос за шутку. Но быстро понял свою ошибку и, прокашлявшись, ответил:

– Он всю ночь был дома. С родителями.

Тем временем они подошли к входной двери, и Сакаи отослала его, бросив вслед «спасибо». Наката помрачнел, но подчинился. Ивата вздохнул и пролез под желтую ленту. Мощные лампы освещали тусклый коридор, заваленный старыми газетами, телефонными справочниками и обрывками упаковки. Слева, через открытые сѣдзи виднелась почти пустая комната – лишь в углу стоял домовый алтарь. Рядом на стене висела черно-белая фотография седовласого мужчины с мешками под глазами. На нем была черная судейская мантия с белым воротничком, а на запястье дорогие золотые часы.

Ивата почувствовал аромат благовоний, который, как ему показалось, отличался от запаха в доме Кане-сиро. Слишком сладкий, цветочный. Сакаи повернула налево, в кухню, и, пораженная увиденным, резко остановилась: здесь, похоже, уже давно безраздельно царила жуткая грязь.

– Сакаи? Что там?

Она ответила, рукой прикрывая рот:

– Ничего, гниль повсюду.

Ивата прихрамывая поднялся на второй этаж. На стенах он увидел множество фотографий пожилой четы, ракурсы и интерьеры которых менялись так же, как со временем и лица супругов Оба.

Дверь в спальню была открыта. Из дверного проема виднелись лишь голые ноги жертвы. Сквозь похожую на папирус тонкую кожу с пигментными пятнами просвечивали бордовые вены. На пол рядом с телом падал сероватый свет из окна. Ивата почувствовал запах фекалий, но сквозь него пробивался другой, землистый, с нотками цитруса, тот же, что и в спальне у Канесиро.

Снова ты.

Стоя в дверях, Ивата рассматривал место преступления. Женщина лежала на полу, на смятых простынях, очевидно, ее на них тащили. Два мраморных шарика ее глаз были направлены в сторону моря. Пониже груди у нее зияла дыра. А позади труп, на стене, было изображено черное солнце, размером с Ивату.

Ивата услышал слабое тиканье золотых часиков – тех, что он заметил на фотографии на руке госпожи Оба; она держала их на прикроватном столике.

– О, просто супер! Классный дизайн обоев. – Сакаи поднялась на второй этаж и вручила Ивате резиновые перчатки. Он аккуратно обошел пятна крови и присел на корточки рядом с телом, опираясь на руку для равновесия. Потом достал фонарик и посветил в отверстие в груди женщины.

– Сердца нет.

Ивата поднялся и подошел к черному символу на стене.

– Есть различия в размере и форме – возможно, у него тряслись руки, – но символ тот же самый. – Он приблизился к стене и принялся.

– Опять уголь? – спросила Сакаи и, понюхав рисунок, добавила: – Нет, что-то другое.

Оба уставились на пол. Урна с прахом была перевернута, пепел лежал небольшой серой горкой.

– Останки бедного господина Оба? – сказал Ивата.

Сакаи наморщила нос и присела рядом с телом. Она осторожно перевернула указательный палец правой руки жертвы. Он был испачкан углем и пеплом.

– Он заставил ее нарисовать черное солнце прахом собственного мужа. – Сакаи прикусила губу. – Потом вырвал у нее сердце. У Канесиро-отца тоже. Но почему ни у кого другого?

– Он пришел туда из-за отца – за его сердцем. Остальные умерли, потому что оказались рядом.

Сакаи сложила руки на груди.

– Ну и какая же связь между Цунемасой Канесиро и госпожой Оба?

– Не забывай про *господина* Оба, – усмехнулся Ивата.

– Мы не можем включить покойника в список жертв.

– Я включаю его в список сопричастных. Он ведь участвовал в ритуале.

Сакаи легонько потыкала кончиком ручки свою щеку и прицелкнула языком.

– Ненавижу эту тварь.

– Сакаи, тебе придется включить все свое обаяние, для того чтобы удостовериться, что местные ищейки глубоко покопались в ее прошлом. И в прошлом ее мужа – если он был судьей, то может обнаружиться мотив, месть.

Сакаи оживилась:

– Злодей отсидел тридцатник и решил добаться до умника, который его посадил. Узнав, что старикан дал дуба, он вымещает злобу на его жене?

– Но какая тут связь с Канесиро?

– Может, запудрить нам мозги?

Ивата кивнул, мол, кто знает.

– Свяжись с судебным управлением Токио – посмотрим, может, там что нароем. И пробей информацию по базам данных, Сакаи.

– В смысле?

– Нам нужны ответы. Проживали ли когда-нибудь семьи Канесиро и Оба по соседству? В одном городе? Обращались ли к одному и тому же врачу? Пользовались одним автосалоном, супермаркетом, банком? Еще проверь, нет ли пересечений в контактах на мобильных. Любая связь.

Сакаи кивнула:

– В чем дело, Ивата? Почему ты морщишься?

– Мне кажется, все это бессмысленно. Старуха не покидала своего дома лет десять. Откуда убийца мог знать, что она здесь живет? Они же не были друзьями.

Сакаи пожала плечами:

– Может, он и не знал. Может, он решил, что дом пуст, а тут она.

Ивата с сомнением покачал головой:

– И что он здесь искал?

– Деньги.

Ивата кивнул на столик.

– Оставив золотые часы и не заглянув в богатый дом по соседству? Нет, он знал, что она здесь, как знал и про Канесиро.

– Оба дома стоят на отшибе...

– И старшего Канесиро, и старуху он заставил нарисовать черное солнце. У обоих вынул сердце. Почему? Если мы обнаружим связь, это будет прорыв.

Сакаи выглянула в окно. Там собралась толпа.

– Черт!

– В чем дело?

– Синдо явился.

– Ты иди, Сакаи. Я тебе позвоню.

Она кивнула и хотела что-то сказать, но лишь вздохнула и вышла. Ивата слышал, как она поздоровалась с Синдо у входной двери. Тот промолчал. Лестница застонала под тяжестью шагов. Мужчины стояли лицом к лицу в тускло освещенном коридоре. Было слышно лишь дыхание запыхавшегося шефа.

– Жертва там?

– Да.

Синдо миновал спальню и открыл дверь в маленькую захлавленную комнату. Юридические справочники, научные статьи и газетные вырезки наводили на мысль, что это бывший кабинет хозяина дома. Один угол все же оставался за женой: в нем высились аккуратные стопки журналов с sudoku и лежал недовязанный шарф, нитки от которого тянулись через стол. Синдо указал на старое кожаное кресло. Ивата послушно уселся. Шеф закрыл дверь и негромко заговорил:

– Ты читал местную прессу?

– Нет.

Синдо долбанул кулаком по стене над головой Иваты, так что посыпалась штукатурка.

– Они стали в стойку и готовы перегрызть друг другу глотки ради сенсации, которая имеет здесь место впервые с 1923 года. И вот что я скажу, местные – это только начало.

– Они не услышат никаких подробностей.

– Подробностей? – Синдо стал мерить шагами комнату. – Сейчас я проясню для тебя подробности. Прошлым утром один самодовольный говнюк из федералов позвонил мне и пригрозил, что, если я не брошу ему кусок пожирнее, завтра первые полосы газет затрубят о профнепригодности полицейских. Естественно, я посоветовал ему засунуть свои угрозы в одно место и повесил трубку, убежденный, что мозговитый инспектор Ивата в поте лица занимается делом. Но этот разговор, признаться честно, оставил осадочек, и, просто для очистки совести, я звоню надежной, как скала, младшему инспектору Сакаи. И представь себе мое изумление, когда Сакаи докладывает, что, вместо того чтобы выполнять мой приказ – то есть рыть носом землю и продвигаться с расследованием, – Ивата, нате вам, навестил покойного предшественника и умудрился, твою мать, попасть под машину. Ладно, в конце концов, на то могла быть причина. Но потом мне становится известно, что один из моих старших инспекторов избит в результате разногласий – и не кем иным, как инспектором...

Ивата подался вперед: – Синдо, погодите...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.